

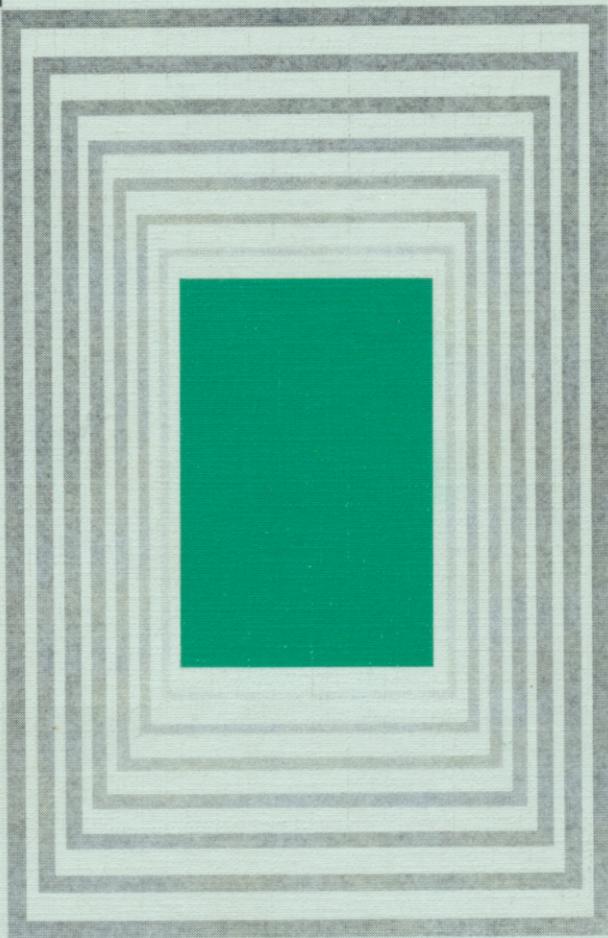
29729

ISSN 0207-4001

литературно-художественный журнал

Даугава

4/00

июль - август

Daugava

Литературно – художественный и публицистический журнал
Основан в июле 1977 года
Союзом писателей Латвии
Выходит один раз в 2 месяца

Katalogs

Latv. Akad. bibl.

125086

2000 7 - NOV.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

<i>Марина Нижевясова.</i> Стихи	3
<i>Борис Воскобойников.</i> Стихи.	7
<i>Вера Вавере, Людмила Спроге.</i> Алексей Ремизов — персонаж романа Виктора Эглитиса “Неотвратимые судьбы”	13
<i>Викторс Элитис.</i> Неотвратимые судьбы. Главы из романа	19

БЕЛОРУССКАЯ СТРАНИЦА

<i>Рьнор Бородулин.</i> “Готовил себя к служению белорусскому слову с молодых лет”. Беседа с Сергеем Шапраном	70
<i>Рьнор Бородулин.</i> Небо твоих очей. Отрывки из поэмы	89
<i>Светлана Алексиевич.</i> Чудный олень вечной охоты. Главы из книги	94
<i>Станислав Володько.</i> Стихи	111

4(222)/00 июль - август

ВЕРА ВАВЕРЕ, ЛЮДМИЛА СПРОГЕ

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ —
ПЕРСОНАЖ РОМАНА ВИКТОРСА ЭГЛИТИСА
“НЕОТВРАТИМЫЕ СУДЬБЫ”

Есть писатели, о характере и облике которых знаешь больше, чем об их сочинениях. Русский писатель Алексей Михайлович Ремизов (1877-1957) — не исключение.

Художественное наследие его велико и до сих пор еще многое сохранилось на страницах периодических изданий, в рукописных книжках и альбомах, которые он, согбенный годами и невзгодами, полуслепой, тщательно вырисовывал своим витиеватым почерком, причудливо иллюстрировал, а затем раздаривал ближайшему литературному окружению.

Мемуары современников часто сходятся в описании внешнего облика Ремизова, в характеристике его самобытного стиля, бытового поведения — “штучек” и “розыгрышей”. Так рождался миф о писателе Ремизове, его парадоксальное своеобразие определила Ирина Одоевцева: “Легенды о том или ином человеке обыкновенно возникают после его смерти. Но Ремизову удалось самому создать легенду о себе. Другие, конечно, помогали ему в этом, разнося слухи и сплетни. И он этому очень радовался”.¹

Легендарность Ремизова завораживала; одних привлекала, других отталкивала от виртуозного мистификатора, но нельзя было оставаться равнодушным к его мастерству, оригинальному письму, он зачаровывал магией слова и одновременно изумлял диковиной облика. Его словесный портрет, относящийся к 1906-1907 гг., сделан художницей: “Голова, запавшая между высоко вздернутыми плечами, выглядывает из них, будто в испуге. Но рот при этом улыбается насмешливо и добродушно. У него нос Сократа, а лоб такой, какой можно видеть на изображениях китайских философов. Волосы пучком торчат вверх”.²

Алексей Михайлович Ремизов

на свою мучительной противоречивостью. <...> Он так же темен, многолик и скрытен, как Гофман. Бродить по Лабиринту его творчества и утомительно, и трудно. <...> Это запутанная система комнат и коридоров, где полумрак, где душно, где пахнет пряно и дурманно. Тусклое эхо повторяет жуткий смех под темными сводами. И от этого смеха сжимается в тоске сердце. Над чем смеется — этот человек из подполья? Да полно, смех ли это? Балагурство неожиданно переходит в причитания, а причитания в горькие, сдавленные рыдания”.³

Популярность писателя росла год от года, широко выходя за пределы привычного круга единомышленников и почитателей. Еще задолго до издания восьмитомного собрания сочинений Ремизова в 1910-1912 гг., национальная самобытность его творчества, всеохватность интересов и широта пристрастий его как книжника, фольклориста-мифолога и переводчика, привлекают к нему симпатии писателей и художников других национальных культур — поляков, датчан, немцев. В первый год эмиграционных скитаний, Ремизов, временно на-

Противоречивы отзывы о произведениях Ремизова — от высоких оценок А.Блока, Вяч.Иванова, М.Волошина до растерянных, разочарованных, неприемлющих: “Нелегко разгадать Ремизова, как художника, и приблизиться к пониманию его личности, и, быть может, еще труднее полюбить его. Невозможно не оценить его искусства, его мастерства, его оригинальности, но всем ли внятен его символизм, всем ли доступны его темы? Алексей Ремизов пришел к нам неспроста с лукавою улыбкою на утомленных губах. И его беседа, похожая на ряд загадок, не только пленительна, но и опас-

шедший пристанище в Берлине, получил от Томаса Манна письмо с констатирующей фразой: "Германия должна гордиться тем, что один из Первых русских писателей современной России находится в настоящее время в Берлине".

Для латышских писателей, в основном тех, чьи творческие искания шли в русле европейского модернизма в первые десятилетия XX века, Ремизов как писатель новой эстетической формации был притягательной фигурой, так же как и В. Брюсов, Ф. Сологуб, Вяч. Иванов, К. Бальмонт, А. Блок, Д. Мережковский, В. Розанов и др.⁴ Для Виктора Эглитиса, Карлиса Якобсона (Робертса Скарги), Антонса Аустриньша, Валдемарса Дамберга, Павилса Грузны и др. ремизовское творчество, как и он сам, становится настолько выразительным, что порожденные им мифотворческие представления воплотились в бытовые и литературные сюжеты переписки, мемуаров и даже романов. Вот отрывок из письма (1915 г.) к Ремизову Карлиса Якобсона, от которого он услышал популярную латышскую колыбельную песню, перевел и завершил ею свою знаменитую книгу сказок "Посолонь"⁵: "Алексей Михайлович, Ваши произведения оставляют глубокое впечатление неподражаемостью слога, глубиной чувства, тонкостью стиля. <...> Сейчас вы один из самых достойных. <...> Ваш язык глубоко русский, чистый, спокойный и эпический, <...> а ваше психологическое понимание современного человека серьезно и глубоко в Ваших рассказах, повестях и в романе "Пруд".⁶

Викторс Эглитис. 1899 год.

Викторс Эглитис (1877—1945) во время учебы в Пензенском Художественном училище (1899—1901) познакомился и сблизился с русским писателем, отбывавшем ссылку в Пензе. Позднее контакты пи-

сателей возобновляются в 1906 г., в Петербурге, куда “латышского декадента” пригласил Ремизов. Как вспоминает в своей автобиографии Эглитис, именно Ремизов, в открытость которого он импульсивно влюбился, способствовал тому, чтобы гость из Латвии наслаждался изысками столичной культуры, ввел его в литературно-художественные салоны; позднее, когда Эглитис решил поступить (что не удалось) на романо-германское отделение Петербургского университета, Ремизов своей удивительной вязью написал за него прошение.⁷

Имя Ремизова в статьях и эссе В.Эглитиса, посвященных общим закономерностям развития европейских эстетических новаций, соседствует с именами Ибсена, Э.По, Ницше, Гауптмана, д’Аннунцио, Райнса, Брюсова, Розанова, Бальмонта. Встречи и беседы с Ремизовым отражены в дневниках и воспоминаниях Эглитиса, в его письмах.⁸

Художественное наследие В.Эглитиса велико — книги стихов, романы и малая проза, драматургия, эссеистика.

Предлагаемые фрагменты из его романа “Неотвратимые судьбы” (“Nenovēršamie likteņi”) непосредственно связаны с образом А.Ремизова, в романе он носит фамилию Бубука.⁹ Своеобразие латышского романа не только в художественной интерпретации внешнего и психологического облика писателя, но и в изображении самой панорамы “Серебряного века” и что весьма существенно, в фокусе восприятия иной культуры.

“Неотвратимые судьбы” — вторая часть трилогии В.Эглитиса (первая — “Приключения учителя Калейса”, 1914 г., третья — “Мыслящая Рига”, 1934 г.), с 1926 года — года своего издания — в Латвии не переиздавалась, на русский язык не переводилась.

Роман посвящен становлению философско-эстетических взглядов главного героя — учителя Калейса (alter ego В.Эглитиса), выработке “нового жизненного сознания” в послереволюционный период 1905 года. Герой отправляется в российские столицы — Санкт-Петербург и Москву, чтобы ощутить себя частью “в широком мире и в самой сознательной культуре”, он появляется и в редакции самого модного литературного журнала, и в салоне знаменитого миллионера-мецената, и в элитарном салоне ученого-поэта, где покоряет изысканную публику лирической свежестью родных песен, мелодичностью незнакомого языка. Среди персонажей романа чета Ремизовых, поэт Вячеслав Иванов и его жена, поэтесса и прозаик Л.Зиновьева-Аннибал, философ Николай Бердяев, художница Зинаида Лансере-Серебрякова, В.Брюсов, А.Белый, Н.Рябушинский, латышские писатели — К.Якобсонс, А.Аустриныш и многие другие.

Одной из центральных сюжетных коллизий романа становится ответный визит супругов Ремизовых в Латвию летом 1907 г., отражен-

ный и в мемуаристике, и в переписке латышских писателей".¹⁰

Демонизм Бубуки и его жены придает особый колорит произведению, связывая его с романами-мифами начала века, что и было отмечено в латышской критике.¹¹ Оккультная тема в романе Эглитиса, с одной стороны, взаимосвязана с традицией русского символистского романа, с другой, — продиктована этнокультурным восприятием четы Ремизовых, о чем свидетельствует переписка Эглитиса.¹²

“Пограничность” четы Бубуков: причастность их к салонной элитарной культуре и одновременно к “низким” жанрам, к народной демонологии — одна из впечатляющих характеристик “широты” и “многоликости” героев. Калейса поражает несоместимая гротескность всего того, что связано с мифотворцем-Бубукой: например, революционно-бунтарское прошлое и игрушечные аксессуары кабинета бывшего “политического преступника”. Особенно нюансируется в романе “странность” супружеской пары из Петербурга, их “ведьмачьи” шутки. А вместе с тем для Калейса Бубука и его жена являются неким камертоном культуры, встреча с ними способствует осознанию героем своей ментальной основы — “сконцентрированности” и “глубинности”.

Роман В.Эглитиса — своеобразное зеркало, отразившее одну из неотвратимых судеб творческого поколения первой половины нашего столетия.

Viktor Aglitis

Викторс Эглитис, 1920-е гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. И.Одоевцева. Избранное. М. 1998. С.436.
2. М.Волошина (Сабашникова). Зеленая Змея: История одной жизни. М. 1993. С.147.
3. Г.Чулков. Годы странствий. М. 1930. С.169.
4. Более подробно тема творческих контактов латышских писателей с культурой русского "Серебряного века" разработана в следующих статьях: Vera Vāvere. Latviešu literātu un krievu "Sudraba laikmeta" rakstnieku kontakti 20. gs. sākumā // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. A. — 1997, 51. Sēj., (590./591.) nr., 87-93. Lpp.; Vera Vāvere. Krievu simbolisti latviešu 20. gs. sākuma literatūras kontekstā un tekstos. // Materiāli par pasaules strāvām latviešu literatūrā. Rīga "Zinātne", 1998. С.30-43.
5. Карлис Якобсонс (Екабсонс, Роберт Скарга: 1879-1946) в романе он послужил прототипом Росбакса. См. о нем: Р.Тименчик. Литературные приключения латышской колыбельной // Даугава. 1983. №9. С.119-120.
6. ИРЛИ. РО, ф.256. оп.3. № 243. Частично переписка латышских писателей с Ремизовым отражена в статье: Vera Vāvere, Ludmila Sproģe. Aleksejs Remizovs un latviešu rakstnieki // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. A. — 1996, 50. sēj., 4/5 (585./586) nr., 22.-28. Lpp.
7. Rakstnieki par sevi: Viktora Eglīša autobiogrāfija. // Ritums, 1921, № 4. — 324,325.
8. Архив В.Эглитиса сохранился лишь частично: в 1944 г. в Добеле писатель был арестован по доносу органами НКВД, погиб Эглитис либо в рижской Центральной тюрьме, либо в одной из московских тюрем 20 апреля 1945 г. Реабилитирован в 1990 г.
9. Имя одного из центральных персонажей романа, под которым подразумевается Алексей Михайлович Ремизов, заимствовано В.Эглитисом из раннего рассказа русского писателя, "Бибка", впервые опубликованного в 1902 г. в московской газете "Курьер", где Бубукой назван сам рассказчик: так зовет его маленький мальчик Бибка. Рассказ был переведен Эглитисом на латышский язык и опубликован в латышском журнале "Mājas Viesa Mēnešraksts" (1903), о чем он (без ссылки на авторство перевода) упомянул в обзоре "Современная латышская литература. Письмо из Риги". (Весы. 1904 №7. С.35). Характерно, что Бубукой Ремизов называл свою маленькую дочь Наташу (1904-1943). Возможно, что выбор имени персонажа в латышском романе также навеян этимологическим близким словом Vubuka — бука, пугало.
10. См. подробнее статью Л.Спроге. А.М.Ремизов в Латвии: В.Дамберге, В.Эглитис, В.Гусев, И.Павлов, В.Гадалин. // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Таллинн, 1996. С. 158-170.
11. A.Bračs. V.Eglītis. Nenovēršāmie likteņi. // Ritums, 1926, N 6. — 378.
12. Ср.: "Пропасть между Ремизовым и нами все увеличивается, хотя и не ухудшая добрых отношений. Они — в полной мере оккультисты, верят в разные предзнаменования, в духов." // V.Damberg. Sarakstīšana ar Edvartu Virzu un Viktoru Eglīti. Vēstules. Kopenhagen: Imanta, MCMLIV. — 71.lpp.

ВИКТОРС ЭГЛИТИС

НЕОТВРАТИМЫЕ СУДЬБЫ

Перевод Веры Вавере и Людмилы Спроге

Из своего путешествия по России Калейс вернулся раскрепощенным <...>.

Калейс был благодарен своей счастливой звезде, которая указала ему дорогу во вторую столицу России — Москву. В то самое время, когда вышли его оригинальные стихи, где изливалась засомневавшаяся в революционных потрясениях, заполненная беспокойством и страстью душа, которая, расставаясь с прошлым, искала свое будущее и прозревала его только сквозь плотный угар преисподней, — и тогда же вся общественная журналистика отпрянула от него как от ужаленного змеей, как от какого-то прокаженного. Когда же он попытался разъяснить свою позицию, отвечая всем этим страстным противникам, критикам и пасквильянтам, то обнаружил, что ни социал-демократические, ни гражданские газеты не допускали его к своим полосам. Как ренегат и индивидуалист он был единогласно отлучен от первых, а от вторых — как поборник антиобщественного, декадент. И Калейс живо анализировал незрелость латышской культуры в одном наисовременнейшем журнале в России, где его признали своим, отправили ему предлинное письмо и безоговорочно напечатали его статью, приглашая и впредь сообщать о текущей культурной жизни в Латвии.¹

Теперь ему стоило лишь захотеть съездить в Москву или в Петербург, где могла бы произойти личная встреча с ослепительным социетем российской культуры.

От сборника стихов, который не очень-то раскупался, доходов для расчетов с заимодавцем Смильгисом было недостаточно, да и тот покамест не торопился с долгом, и Калейс, расплатившийся только с Пратниексом, на оставшиеся средства поехал в Москву навстречу неизвестной судьбе.

Пару дней спустя там же в редакции журнала Калейс повстречался с приехавшим из Петербурга в Москву писателем, мифотворцем Бу-

букой, который слыл большим знатоком всех древних народных преданий. Бубука с азартом набросился на Калейса, чтобы тот порассказал бы ему о латышских божествах, про которых, как он заявил, поди, ни один человек в мире ничего еще и не слыхивал.

Калейс рассказывал, что латышский бог — это здравствующий зоркий отче в застегнутом до горла сером балахоне со складками, в желтых постолах, на голове — широкополая или дулообразная шляпа, в руке — белая можжевелевая палочка. Он падает, как звезда, сквозь крышу дома и — вот уже сидит в комнате, поглаживая белую бороду и мудро поглядывая на людей, в благоговении умолкающих. Потом они зовут отче отведать их хлеб с домашним сыром или медовое лакомство и на стол выставляют пиво в деревянной кружке — пусть отведаст. Большие черные глаза русского мифотворца Бубуки вспыхивали, как у кота, странными красноватыми искорками. Облизывая пухлые красные губы и, всей пядью ероша волосы, которые, словно кустики, торчали над крупным лбом, он смеялся странным грудным смехом да понукивал еще и еще рассказывать, ибо все-все захотелось узнать ему — чем божества занимаются тайком, а что делают открыто, не таясь. И Калейс, вглядываясь в этого малого ростом чудака, который сидел, съезжившись, как лесной зверек, рассказывал далее про боговых сыновей и про богиню Сауле, и про ее дочерей, играющих друг с дружкой. Обвенчанный с богиней Сауле Менесс-супруг вдруг похитил у Аусеклиса его нареченную невесту и такую пощечину получил серебряной корягой от жены своей — Сауле, что на весь свой век скобочился, таким и остался бледным соглядатаем, почти не выглядывающим при свете дня. “В латышской мифологии, — рассказывал далее Калейс, — все образы настолько понятны, что легко поддаются воспроизведению, их можно изображать на полотне или высекать из камня, поскольку фетишизм и зоогенизм уже исчез, а химеры и призраки потеряли ясность своего антропоморфного вида. Самый устрашающий Перконс-отец обыкновенно стоит в блеске молний, задумчиво опершись на меч, и уже редко разъезжает на своей свинцовой кобылице по взморью, разражается ударами грома по бесам и великанам в преисподней, но все чаще проходит морем медленно, не тревожа ни цветок черемухи, ни посевы пахара”.²

Чудак-человек пожимал Калейсу руку и уже не выпускал ее, пока тот не пообещал поехать вместе с ним в Петербург, где — в качестве компенсации за поездку — обязался показать Калейсу все, что есть замечательного в столице. Оказалось, что вот уже третий день как Бубука, находясь в Москве, ловил миллионера Р.³, которого ему поручили заманить в Петербург для обсуждения какого-то грандиозного проекта по основательному обеспечению символистов и мифологов. К не-

счастью, рассказывал он, на миллионера накатил шквал безумия и вот уже три дня, как Р. с какой-то актрисой мечется по всем разгульным местам Москвы.

В тот же вечер мифотворец увез Калейса в Петербург. В Петербурге Калейс хотел снять комнату в какой-нибудь гостинице, но его попутчик был так бесконечно любезен с ним и странной близостью таинствен, что уговорил гостя поселиться у него.

Оказалось, что Бубука жил недалеко от Таврического дворца, где заседала Дума, в трех небольших комнатах, из которых одна была одновременно и кабинетом и залой, вторая, очень узенькая, куда вмещались только стол, один диван и несколько стульев, служила столовой, и третья представляла собой и спальню и женский будуар. На их звонок дверь открыла огромная блондинка с такими мускулистыми плечами и руками, какие наблюдаются только у силачей, она сжимала папиросу ровными, сверкающими белизной зубами и при виде гостей губы ее растянулись в деликатной улыбке.

— Ну, и где же Феодосий Терентьевич? — изумленно спросила дама.

— Пьет. Пьет уже несколько дней. Но я вам привез то, что вам и не снилось, моя дорогая. Знакомьтесь. Известный латышский поэт господин Калейс, который знает своих богов, как родных отца и мать. Моя жена — Ангелика Францевна⁴, — представил ее мифотворец и затем помог Калейсу раздеться.

— Очень приятно! — отозвалась великанша, — потому что я, видите ли, литвинка, хотя моя родина — Черниговская губерния, где отцу принадлежит поместье.

— Ах, литвинка?! — воскликнул Калейс, не выпуская ее рук, — литовцы — это же братский народ, еще до сих пор никому не известный.

— Ну, хорошо ли мы подходим друг к дружке с женушкой? — с широкой улыбкой тихонько спросил хозяин гостя, пока дама переодевалась в своем будуаре.

— Изумительно! — смутился Калейс, поскольку один был так черен и мал, тогда же, как другая была бела и огромна. Такую пару еще не приходилось ему видеть никогда.

— Что верно, то верно! — подтвердил хозяин. — Ну, а теперь мы разопьем по стаканчику настоящего индийского вина, которое хранится и доставляется сюда в леопардовой шкуре.

Калейс смущенно засмеялся, так как такое вино в Индии не производят.

Мифотворец же быстро отыскал бутылку и два продолговатых стаканчика, которые походили на наперстки, и налил известный зеленый бенедектин, из тех, что, отведав, узнаешь его домашнее приготовление. Когда, облачив свой огромный стан в шелка, вернулась Ангелика Фран-

цевна, мифотворец и ей поднес стаканчик, а второй — Калейсу. Затем хозяйка пригласила их в кухню вымыть руки, а служанка, кривая старушка, выскочившая из соседней квартиры, принялась готовить ужин.

На мгновение оставшись в зале один, Калейс оглядел стены, где вместо живописи было нечто иное. По правде говоря, только на одной стене над письменным столом хозяина висела книжная полка, занавешенная бордовой тканью, тут же стояли широкий обтянутый кожей диван и несколько кресел. Но более всего удивило Калейса то, что хранилось на письменном столе: большую часть стола занимал какой-то странный кусок дерева, похожий на мялку для льна, вывезенный мифотворцем из Усть-Сысольска⁵ и называвшийся расческой ведьмы. Вокруг этой мялки находилось бесконечное множество маленьких амулетов, фетишей, созданных оригинальной народной фантазией. Бубука, войдя и увидев Калейса, удивленно разглядывающего предметы, стал каждый из них называть поименно. Наиболее любимым фетишом оказалась Кикимора, женоподобный, не стареющий злой домашний дух, которого Бубука выдавал за своего божка.

Затем пригласили к столу, где Ангелика Францевна деликатно, но до мелочей выпрашивала о прошлом Калейса, а также поведала о своих родителях, гордых черниговских помещиках, которые выгнали ее из дома, когда она поступила на курсы. Тогда она бежала в Петербург, где пришлось продать все свои драгоценности, и вскоре ей пришлось расстаться со своей последней гордостью — длинными, густыми золотистыми косами. Вскоре ее выслали в Усть-Сысольск за участие в студенческих волнениях, где, как политический преступник, отбывал ссылку ее теперешний муж, сын московского купца. Он, будучи устроителем подпольной сходки, был исключен из шестого класса реального училища, в то время как остальные его братья обучались в Лондоне коммерческим наукам. Судьба свела эту пару вместе на поселении, в одном жилище у деревенского хозяина. Был там такой недостаток и в людях и в духовной жизни, что им ничего более не оставалось, как существовать лишь друг ради друга, самим творя свою жизнь и вживаясь в творимое. Несмотря на внешнюю несовместимость, души их понимали друг друга, и позднее, обручившись по всем древнерусским обычаям, они продолжали жить вместе, неразлучно, в Петербурге. Ангелика Францевна вздохнула, словно извиняясь за свой выбор. Ее правдивые рассказы муж разбавлял двусмысленными шуточками, пикантными, но и деликатными замечаниями, на которые Калейсу волей-неволей приходилось улыбаться, усмехаться и смеяться от чистого сердца. Это их сблизило.

Через эту своеобразную пару Калейс действительно попал в культурные круги Петербурга.

В тот год из Парижа вернулся некий поэт-доцент,⁶ который двадцать лет провел в Латинском квартале, учась и отдаваясь богемной жизни студентов и художников Парижа. Он был другом прославленных мэтров французской философии и филологии, свободно говорил не только на всех теперешних культурных языках, но знал также латынь и греческий. Из людей он считал ближайшими к себе выдающегося французского символиста Маллармэ и гениального лирика Верлена. Естественно, что современные Афины-Париж он познал не только теоретически, но весьма практически и конкретно все его древнейшие, а также и самые авангардные проявления, а вернувшись домой, он все мечтал из Петербурга, этой северной метрополии, создать вторые современные Афины.

Вот этот-то муж и начал в том же году собирать у себя собрания, так называемые *пятницы*, откуда и надлежало выйти всей Северо-Афинской культуре.

Именно тот самый день и выпал прямо-таки на пятницу. Ангелика Францевна обещала непременно быть там и уже была одета для выхода. Калейс тоже не мог усидеть дома. Наконец и мифотворец, несмотря на усталость, не мог отказаться от чести лично представить Калейса литературному миру Петербурга. Они собрались и поехали.

Когда Бубука в сопровождении своих появился в гостиной, там было уже более десятка гостей, и тотчас же начались чтения: здесь читались только стихи, после чего каждого автора либо поздравляли, либо критиковали, руководствуясь чисто литературными соображениями; принимая во внимание странствия хозяина дома, богатство его знаний и энтузиазм, эти чтения проходили в экстатической и интимной атмосфере. Тут же в зале стоял стол с фруктами, виноградом, закусками и с красным вином в больших бутылках, к которым подходил каждый кто хотел. Доцент-поэт сразу же принял Калейса, тут же перезнакомил со всеми, и вскоре гостя попросили на возвышение, куда один за другим подымались поэты. Уже привыкнув к этому в Москве, Калейс читал свои латышские песни благозвучно, подчеркивая малейший ритм, благозвучие языка и отдельные рифмы так, что все уподобили латышский язык итальянскому. Потом он снова пропел целый цикл народных песен, исполнил некоторые композиции, конечно, без аккомпанемента; но цели своей он достиг — витал латышский дух и заполнял умы собравшихся.

Петербургское общество было отзывчивее, спокойнее, а также более блестящим. Он уже не помнил всех этих дам и господ, которые пожимали ему руки, забрасывали вопросами, приглашали к себе и вообще были чрезвычайно любезны с ним. Калейс впервые почувствовал, каким светлым, грациозным и очастливленным может быть ин-

телигентное общество. Все, что он искал в своем одиночестве, передумал, ожидал, — здесь он видел воплощенным в прекрасных женщинах и в невиданном художественном своеобразии.

Калейс сидел возле роскошных, ароматных фруктов и вина, которыми был заполнен стол, но он не отведал ничего, так как вкушали его глаза и уши. Впервые увиденные им здесь лица были удивительными, озаренные внутренним светом.

Выспавшись на диване в кабинете Бубуки, Калейс весь день рассказывал ему про старинные времена латышей, про древние духовные ценности и старался представить суть латышской мифологии в осмысленных образах.

Почти месяц гостил Калейс то в Москве, то в Петербурге. Не было ни одного более или менее значительного поэта, с которым бы Калейс не повстречался или не побеседовал бы. Познакомился и со многими другими художниками. И целая галерея богемных дам, которые ослепляли не только изысканными нарядами, менявшимися в день по несколько раз, но и духовными сокровищами, а также искренностью. За это время Калейс обходил все доступные музеи, библиотеки, театры, слушал оперы. Впечатлений было так много, что он смертельно устал, сил не было даже на прощальные визиты, отдать которые советовал мифотворец, уже ставший другом и почти братом на все времена.

<...> Вскоре наступил день приезда, когда нужно было посылать лошадей за мифотворцем. Подать подводу приказала хозяйка Малта, а уж сам Калейс дожидался их на полустанке.

Поджидая, Калейс вновь ощутил те чуждые, странные чары, напомнившие месяц петербургской жизни, от которой он долго не мог очнуться. Вряд ли в этом была только так называемая русская атмосфера “широкой натуры”, с которой он уже давно был знаком и всегда находил ее несколько чувствительной и банальной. Нет. Скорее уж она была западноевропейской, как сама архитектура и уклад Петербурга. Но это особое очарование исходило от их интенсивной, всегда активной духовной жизни, отданной творческому труду, самым интимным переживаниям и проблемам друг друга. Там все будто поминутно разрешались от бремени одним или другим шедевром, рождавшимся творением искусства или же наслаждались триумфом от счастливого факта рождения. Но этот шедевр всегда рождался как следствие трагических судеб и совместно пережитого.

Вот в таком-то положении — отчасти празднично возбужденном, отчасти в полугамлетовском состоянии духа, так как было еще неизвестно, как-то избалованным петербуржцам понравится в этом деревенском краю, — он совсем не заметил, как примчался поезд из Валки. В волнении Калейс стал бегать вдоль него. В одном из окон ваго-

на второго класса он действительно заметил характерную непокрытую голову мифотворца Бубуки со взлохмаченными волосами, над крупным овалом лба, глубоко посаженными горящими глазами и полными пунцовыми губами, которые то складывались в усмешку, то мило улыбались.

Калейс вскочил на подножку, и в следующее мгновение они уже здоровались и целовались, причем тут же Калейс заметил и г-жу Бубуку, как всегда величавую и подчеркнуто деликатную. Вспомнив о батраке с мельницы, Калейс сам стал подавать ему в окно их багаж, так как поезд стоял всего несколько минут.

Но сами приезжие лишь изредка касались каких-то вещей, потому что к этому не привыкли и не знали, что мы, латыши, настолько близки к природе, что все для себя делаем сами.

Калейс действовал энергично и торопливо, так что все те деликатные любезности, которые содержались в его письмах, в ответ на их предложение, сильно контрастировали с действиями Калейса, что, очевидно, почувствовали и гости, которые довольно недоуменно смотрели, что же все-таки будет с ними в этом Вадаксте.⁷ Только, когда чемоданы и баулы были уложены в телегу, а Калейс с гостями уселся на линейку, за кучера, пошли приветствия и расспросы.

— Все для меня здесь, у вас в Латвии, чужое — вот эта самая повозка — я такую вижу впервые, — ни верхом не сесть, ни облокотиться, и едешь так — одно ухо впереди, другое сзади, слушать можно, а смотреть трудно, — шутил Бубука.

— Да, сидим вроде как в дилижансе. Латвия холмистая, а проселочные дороги болотистые, поэтому такая вот линейка, которая через все камни и ямы легко перекачивается! — отвечал Калейс.

— И как хорошо вы сами правите лошадьми!, — заметила и супруга, которая при всем внешнем спокойствии на самом деле не разобралась, куда они едут, — к услужливым крестьянам или к повелевающим господам, так как третьего они в России не наблюдали.

— Разве вы, будучи помещицей, не держали в руках вожжи? — удивился Калейс.

— Никогда. И он тоже! — она глазами указала на господина Бубуку.

— Ну тогда вы, дорогие гости, еще много чего необычного у нас увидите. Мы все делаем сами.

— Я многое повидал! — воскликнул Бубука, — меня трудно удивить. Я жил даже в таких местах, где три месяца подряд царит ночь.

— Да, когда мы были высланы в Усть-Сысольск, — пояснила супруга.

— Ну, будем надеяться, что так страшно не будет! — рассмеялся Калейс.

— А-а, — вы так это поняли, — смущенно заметил Бубука, пристально взглядываясь в лицо Калейса своим пронизывающим взглядом.

— Но почему же вы были таким противником взморья? — снова спросила супруга.

— Видите ли, сударыня, я живу здесь у друга, врача, где для меня созданы все удобства для работы. Взморья же я, правда, не люблю, оно слишком шумное, городское, — напоминает зиму, — отвечал Калейс, — а одним бы вам там тоже, возможно, не захотелось бы оставаться. Здесь, в деревне, тоже свои удобства. Но о них я уже вам писал.

— Я люблюсь на мельничную запруду, — промолвила супруга и с улыбкой добавила, — только будет ли там место, откуда мельники меня не увидят?

— Наверное. Можно и устроить.

— А вот муж не купается, — заметила госпожа Бубука.

— Удивительно! Но ведь ванну-то вы принимаете? — посмеялся Калейс.

— У купающегося исчезает земля под ногами. А поскольку вертится она молниеносно, то неизвестно еще, где приземлишься, — отшучивался Бубука.

Все засмеялись. Но Калейсу показалось, что Бубука стесняется своей тощей фигуры.

— И вы не занимаетесь спортом? — спросил Калейс.

У Бубуки вдруг разгорелись глаза и он двусмысленно воскликнул:

— Разный бывает спорт. Не люблю заниматься гимнастикой... Но, скажите, что это за крапина? — он указывал вперед, — вроде нарезанной колбасы.

— Ах, вон там? — засмеялся вновь Калейс. — Это стена какой-нибудь лавки из расколотых разных камней. Одноцветные ведь трудно подобрать. Действительно, на первый взгляд, такое сравнение само напрашивается. Мне это в голову не приходило, потому что у нас такие строения весьма обычны.

— А вот, русская церквушка! — радостно воскликнула гостья, — с одним, двумя, тремя, пятью куполами!

Проезжая мимо лечебницы, они издали заметили, как Ошиньш в белом халате поприветствовал их из окна. Все поклонились.

— Не этот ли ваш друг? — спросил Бубука.

— Да, местный врач, который очень захочет с вами встретиться.

— Вот где бы я хотела жить! — импульсивно воскликнула г-жа Бубука, когда взору открылась красивая мельничная запруда с отраженными в ней красными крышами и садом.

— Ну, тогда едем туда! — Калейс подстегнул кнутом лошадь и по-

возка протарахтела через мостик, который, если смотреть на него с большака, словно притаился внизу в ольшанике.

— Что вы делаете? — в тревоге воскликнула она, ухватив Калейса за локти.

— Как вы того желали, милостивая сударыня! — успел он ответить прежде, чем линейка подкатила к крыльцу Малты.

Малого с ропусками еще не было.

— Да где же, куда запропастился тот мужик с нашими баулами? — встревожилась гостья, оглядываясь вокруг. — Кто он такой? Надежен ли?

— Не беспокойтесь, сударыня, здесь и в дневное время ничто и нигде не пропадает и ночью тоже можете спать спокойно... Вот и ваша хозяйка, г-жа Малта! — представил Калейс. — И элегантные петербуржцы, г-н Бубука с супругой, которые весьма опасаются пропасть в этом полудиком краю. Позаботьтесь о них хорошенько, г-жа Малта!

Обе дамы довольно долго мерили друг дружку взглядами. И г-жа Бубука, очевидно, убедившись, что хозяйка достаточно чистоплотна, протянула ей руку, но не смогла заставить себя расцеловаться, хотя и было заметно, что хотела; ведь хозяйка Малта была крестьянкой.

Г-н Бубука же, напротив, инстинктивно уловив утонченную чувствительность ее души, несколько раз приложился к ее руке.

Они первыми вошли в сени. Но г-жа Бубука еще успела заметить Калейсу:

— Ну, в таком красивом доме у нас в деревне не живут даже помещики, кроме, разумеется, самых богатых.

— Как бы мне было приятно, сударыня, если бы вам хоть немножко понравилось в Латвии! — Калейс под руку ввел ее в прихожую, после того, как очистил ее пушистый шерстяной жакет и дорожную шаль от шипов, что застряли в них по неосмотрительности этой корпулентной дамы, ведь к дому вела великолепная аллея роз.

Г-жа Бубука, с гордо поднятой головой помещицы, проследовала через прихожую и дальше через комнаты, но очень скоро остановилась перед порогом, так как уже через две двери начиналась людская: вновь неожиданность, что в Латвии батраки живут в одном доме с хозяевами и обходятся одной кухней.

Тем не менее две комнаты, предназначенные для них, очень понравились, особенно веранда, выходящая в сад и к излучине мельничной запруды. Ну, пока что все обошлось хорошо. Когда батрак привез вещи и гостья смогла переодеться, причем карлик муж обслуживал ее как камердинер, а хозяйка Малта велела работницам быстро накрыть в зале стол, сердца их вдруг оттаяли и вскоре эта пара уже рассыпалась в благодарностях и шутках, так что все тревоги развеялись.

— А знаете, Калейс, эта г-жа Малта изумительно красивая и милая женщина. Она сверкает, как само солнце, — с восторгом художника и фантаста воскликнул Бубука, отводя Калейса под руку в сторону. — Вам-то она кто — мать счастья Лайма или богиня любви Милда? Это — божественное создание. Скажите, у нее много детей? И где ее муж?

— Муж ее умер три недели тому назад. А детей у них еще не было, — Калейсу следовало бы приревновать поклонника г-жи Малты, но он не чувствовал ревности, потому что Бубука был уж очень забавен, к тому же состоял в штате своей великолепной супруги.

— О чем он вам там шепчет? — громко спросила жена. — Что, хозяйка понравилась? Но какие у тебя резоны, что она не нравится также и г-ну Калейсу?

— Милостивая сударыня, мне по нраву все то, что приятно, — уклончиво отвечал Калейс. — Чем больше приятностей, тем лучше живется на свете.

— Ну, я, наверно, не ошибусь, если приятность г-на Калейса, находится вот тут — у нашей Татьяны Николаевны,⁸ — при этом гость вытащил и показал какое-то письмо, от которого исходил тонкий и приятный аромат духов, — сколько раз собирался вам отдать!

— Как мне благодарить вас! — с восторгом воскликнул Калейс. — Ведь это вы свели меня с этой удивительной Татьяной Николаевной.

Конец этого разговора происходил, к сожалению, в присутствии хозяйки Малты, которая приказала работницам убирать со стола, и письмо так потрясло ее, полностью замкнувшись в себе, что она удалилась в свою комнату.

— Видите, видите, нельзя говорить о своих симпатиях, когда кто-то свою так недавно навсегда потерял, — воскликнул Бубука, схватив Калейса за руку.

— Ваша правда, но я ее совсем не заметил, — отвечал расстроенный Калейс.

— А следовало бы! Надо замечать все и всегда! — с металлом в голосе воскликнул Бубука.

— До чего ты смешон! — усмехнулась его жена, закуривая папироску вместо десерта и оглядывая мужа с головы до ног: — Он вспыхивает, как папироса.

— Это правда, мы поэты легко воспламеняемся! — отпарировал Калейс резкое нападение гостыи. — Но как ни приятно с вами, пора и честь знать, и дать вам отдохнуть. Путь из Петербурга был неблизким!

— Как, г-н Калейс, вы хотите оставить нас одних? Разве вы не будете жить в этом же доме? Ведь мы умрем от скуки.

— В кругу таких прекрасных дам, как г-жа Бубука и г-жа Малта, даже смерть, по-моему, сладка. К тому же утром я ведь снова буду здесь.

И тогда поведу вас к доктору, к священнику, к здешним учителям. Если захотите, устроим охоту или рыбалку. Даже на деревенские гуляния я вас отвезу.

— Охотник я плохой, — воспротивился Бубука.

— Ну, это как сказать... — заметила супруга.

— На рябчиков, может быть? А рыбалка, если по сухому берегу да чужими руками, — это мне нравится. И в гости будем ездить. Потому что, видите ли — в деревне просто так (он жестами показал бессельные блуждания) я более двух недель никогда не мог выдержать. Я горожанин с головы и до пят. Ежели не было бы в городе летом так пусто и жарко, меня никто бы не заманил в деревню.

— Ну что ты рассказываешь? Живя только в городе, мы бы скоро зачахли.

— Долго чахнуть я вообще-то не желаю. Если уж чахнуть, то быстро сгореть. Нехилых среди нас, писателей, еще ведь никого не было. Вот мои божества и их святые — они уж останутся бессмертными. Да, я — урожденный горожанин. На мне мой род и закончится.

— Вы думаете так же, как и Татьяна Николаевна в одном из своих писем, когда-то мне присланном. Но позвольте мне уединиться, дабы вы ей не передали, дескать, ваше письмо он получил, сунул в карман и в тот день, кажется, даже и не читал.

— Ну что ж, идите. Но, — тут он зашептал на ухо Калейсу, — позовите к нам хозяйшку. Кто же здесь, скажите, играет на рояле, уж не она ли?

— Да.

— Ну, ладно, по крайней мере буду знать, с чего начать.

Калейс, постучав, вошел к хозяйке. Она сидела у своего ящичка с рукодельем.

— Ну что же вы ушли, г-жа Малта?

— А на что это похоже, когда хозяйка мешает своим дачникам?

— Гостям, г-жа Малта! — поправил он: — Но было бы неплохо уже сейчас договориться об условиях. За комнаты вы отказываетесь брать плату, но во всяком случае за содержание что-то взять надо. Помните, что на вашей мельнице и в доме больше уж нет практического хозяина, а ведет дела его жена, которая тоже должна быть практичной, чтобы все продолжалось, как и при нем.

— Г-н Калейс, все налажено и еще какое-то время будет идти по инерции, само собой. И если вам с Ошиньшем так уж захотелось принять этих элегантных петербуржцев, то и мне будет небезынтересно понаблюдать за ними. Вы и сами говорили, что они развлекут меня, — усмехнулась она. — Значит этим за все уже будет заплачено... Долго ли они пробудут?

— Не знаю. Но поговаривают, что в деревне они дольше двух недель выдержать не могут... И еще одно дело...

— О Татьяне Николаевне? Кто она?.. — взглянув на Калейса, как бы невзначай осведомилась хозяйка Малта, но тут же покраснела, потому что тот заметил ее хитрость.

— Дело, однако, не в этом, сударыня. Она — знакомая семьи Бубуков, художница, которая предложила мне переписываться преимущественно на философские темы. Хотите, я сейчас же вскрыю ее письмо, и мы прочтем его вместе?

— Я благодарю вас за такое доверие. Быть может, в письме есть указание, как мне опекать господ... Но я вас прервала. Продолжайте, что вы хотели рассказать об еще одном деле, — неожиданно закончила она, лукаво улыбаясь и вовсе не отказываясь также и от письма.

— Видите ли, я обязался их повозить по окрестностям, частенько сопровождать в путешествиях. Конечно же, на лошади доктора, как я полагал. Но так как Ошиньш частенько выезжает сам, нельзя ли будет иногда и у вас получить дрожки и коня?

— Сейчас июль — время сенокоса. Лошади свободны. Берите и распрягайтесь, как считаете нужным.

А потом она постучалась к Бубукам, сияя, в самом деле, словно яблоня в цвету. Взглянув на нее, пораженный Бубука продекламировал народную песню, переведенную для него Калейсом еще в Петербурге:

Входит дочь народа — бела,
Словно снегом убрана,
Но не снегом убрана,
А чиста — добродетельна.

Тем временем Ангелика Францевна энергично раскладывала пазлы — это было ее основным и постоянным времяпрепровождением, особенно когда муж, своеобразно стилизуя, записывал свои дивные предания и сказки, каких до него не знавала русская литература.

— Г-н Бубука! Откуда вы знаете эту прекрасную латышскую песенку? — удивленно спросила Малта.

— От г-на Калейса, который поведал нам, что вы тоже музицируете. Можем ли мы попросить вас?

— Да что же я, хуторянка, могу, господин Бубука? Посмотрите, какие у меня натруженные руки. Разве такими можно сыграть что-либо изысканное? — заулыбалась она.

— Да уж, руки натруженные! — Бубука посмотрел, задымил папирсой и, слегка смущенный, зашагал по зале. Он не знал, училась ли она вообще, и потому-то прибег к хитрости:

— Ну, а когда вы учились в гимназии и брали уроки музыки, тогда-то вы хорошо играли?

— Тогда — да, немножко лучше. Но до хорошего — того, что вы, г-н Бубука, считаете хорошим, — я, возможно, никогда не доучусь.

— И все-таки мы попросим вас, г-жа Малта! — присоединилась к просьбе Ангелика Францевна, любезно ослабившись, показав свои ровные зубы, на которые уже начал воздействовать табачный дым.

— Ну, так и быть, добрая барыня, для вас попробую сыграть, но не для такого большого художника, как ваш муж, — просто откликнулась она и села, потому что после всех переживаний она на самом деле обязательно бы музицировала, ей это было так же необходимо, как в положенные часы принимать пищу. После драматических переживаний она просто не смогла бы жить без полной душевной отдачи себя музыке. Хорошо ли ей удавалось это или вовсе не удавалось, об этом могли судить другие по своему разумению. Для нее же главным было соприкосновение с чем-то великим и вечным, это проливало на ее душу свет, сиявший на ее лице. Вот в этом-то, по правде, и была тайна ее красоты — в осиянности вечностью, которую легко могли погасить мелкие будничные заботы и хлопоты.

Малта заиграла то, что всегда любила наигрывать, вполуха слушая замечания и просьбы Бубуки исполнить то или это. Присутствие чужих и просвещенных критиков все же не давало ей полностью раскрыться, высказаться, как она могла, когда играла с вдохновением. И когда, наконец, перешли к разговору, она не знала, какое впечатление произвела на слушателей.

А позже к роялю под села и гостя. Она научилась брать лишь несколько аккордов. Но когда она подобрала мотив русской народной песни “Не шей ты мне, матушка”, то раскрылась такая широта и глубина в аккордах русской души, что Малта тут же поняла, что ее скромная увлеченность возвышенным, которое она искала и в музыке, той не могли понравиться, хотя на словах гостя похвалила ее игру. Напротив, Бубука, который легко вживался в обычаи и чувства других народов, похвалил Малту от души.

Поздно вечером, уходя от них, она спокойно констатировала:

— Бубуки, действительно, привнесли аристократическую атмосферу высокого стиля и артистизма. Этому я научусь, потому что она нужна и Калейсу: ведь задачей латышских женщин всегда была забота о том кузнеце,⁹ кто выковывает бесценные сокровища!

А Бубуки действительно оказались весьма беспокойными горожанами. Просыпались они незадолго до полудня, и тогда муж сопровождал свою жену купаться. После того завтракали, поглощая в таком количестве яйца и молоко, будто стремились растолстеть. Затем Бубу-

ка вроде бы брался писать, но из этого ничего не выходило. Он жаловался, что боги этой земли к нему не расположены — он не знает, ни того, кто здесь покоится под землей — чьи человечески кости, — ни того, какие духи шумят в наших лесах, ни того, чего ждет от него отец наш Перконс, когда насыпает кучи камней то на одном, то на другом склоне холма.

И жена его тоже тихим голосом жаловалась, покуривая и раскладывая пасьянсы, обнажая свои ровные зубки, дескать, негде ей распрямиться; вокруг какая-то тяжесть земная, не дающая ей свободно дышать. Было в ней что-то от типа суровой русской боярыни, чьи предки любили пороть свой люд, пытаться в дворцовых застенках непослушных конюших да кучеров и состояли в обширном родстве не только в центрах необъятной России — в Москве, Киеве, Новгороде, но и в Литве, и в Польше. В крови ее бурлили тысячи невыполнимых страстей и желаний, перед которыми муж ее совершенно пасовал, ибо иногда по утрам, приехав пораньше, Калейс наблюдал его выходящим из спальни, почти зверьком, с эдаким бегемотообразным рыльцем и вздыбленными вверх волосками. И тогда он казался Калейсу подмастерьем сапожника откуда-то из переулочков Замоскворечья, заполненного монастырями. И тем не менее, стоило им привести себя в порядок, как восстанавливался лоск и элегантность петербургской культуры. Калейс изучал их с таким живым и неотступным интересом, что часто забывал проведать хозяйку Малту, с которой сблизился более чем брат с сестрой после известного разговора. Они были дружны и счастливы, утаивая в себе то, что откладывали на времена, когда интересных гостей не будет и им придется остаться с глазу на глаз.

Утренние часы Бубуки еще кое как коротали, но после четырех, после обеда, они вовсе не знали, куда себя девать. Поначалу, конечно же, исходили все окрестности, кладбище и парк, побывали в гостях у Ошиньша и Калейса, у священника и учителей, оставляя повсюду странно волнующее впечатление, потому что сам Бубука никогда не проносил ничего обыденно привычного, но деликатно отшучивался, отпуская всякие двусмысленности или парадоксальные сравнения и вопросы. И со всеми-то он умел найти общий язык, а вот Ангелика Францевна только поворачивала свою импозантную фигуру, постоянно утирая пот, так как даже в самый зной не выходила без корсета и решительно не знала, чем себя занять. Вот, мол, здешние люди, как ей представлялось, довольно инертны и наивны к тому же, так что с ними далеко не разгонишься. Даже хозяйка Малта не лучше, даром, что гимназию окончила и музыкантша в придачу. И сам Бубука сожалел, что она — весьма сдержанная дама, нечего и пытаться с ней “кашу сварить”, сколь не восторгайся ее светлой душой и божественной

женственностью. Время от времени несчастный Бубука, взъерошив свои волосы, восклицал: “Вы все еще разгуливаете прикрытые фиговыми листочками!”

Калейс хлопотал о ловле угрей на отдаленной лесной речушке, вокруг которой уже стояли стога убранного сена. Ни Ошиньшу, ни Малте некогда было их сопровождать; поехали втроем к хорошей знакомой Калейса — лесничихе, которая перед замужеством ведала хозяйством в усадьбе и умела как полагается принять гостей. Лесник же подготовил сети и подыскал мужиков, готовых брести с ними по реке. Калейс захватил для мужиков водку с закуской, и вот на знакомой уже линейке, которую Ангелина Францевна называла катафалком, они — радостные, жаждущие необычайных приключений — свернули с большака на узкие деревенские, лесные и полевые дороги. Калейсу предварительно подробно объяснили путь и правил он уверенно.

Когда же Калейс проезжал эти луга и леса, на него вдруг нахлынули дивные воспоминания детства, оттого что и отчий дом находился среди таких же лугов и лесных равнин, и он с трудом сдерживался, чтобы не соскочить с линейки ничком в траву и не бросить этих избалованных, испорченных городом гостей навстречу их судьбе. Временами Калейс действительно чувствовал себя из породы волков, которых как ни корми, все в лес норуют. Ему и самому хотелось броситься в реку за раками, что прячутся под корягами, или же погрузиться до подмышек в омут с садком и сетью как это часто бывало в детстве. Но возможная высокомерная усмешка этих цивилизованных господ парализовала его желание.

Да, кто знает, не стало бы на самом деле для Бубуки интереснейшим наблюдением, если бы этот, уж вроде бы окончательно окультуренный господин, который ни мало не казался неподходящим для салонной жизни Петербурга, вдруг да и обернулся бы волком: то есть, сбросил бы с костюмом у лесной реки все привычки и предубеждения интеллигентного человека и так же, как плясал танец Солнца Росбакс, и он бы пустился, словно в Иванову ночь, в некий волчий пляс.¹⁰ Бубука был знаком со всеми типичными национальными легендами, знал он предание о нашем Ивановом волке, которое известно еще у эстонцев и у финнов.

Проезжая лесом к месту, где ловятся угри, притихшие Бубуки действительно фантазировали, что тут-то уж вполне может случиться что-либо более необычайное, нежели это обыденное развлечение — загон рыбы в сеть. Рыбалка могла служить лишь для отвода глаз, а на самом деле в излучинах нагретой солнцем реки они могли бы показывать свою первозданную природу. А особенно г-жа Бубука, с ее утонченной интуицией, давненько уже прозревала в Калейсе вероятность

обращения в первобытного Иванова волка и, как знать, возможно, с таким расчетом и поехала она в темное, заброшенное Вадакстское имение, дабы лицезреть естественное, великое природное явление.

Г-жа Бубука была и в самом деле дамой бедовой, говоря ее же словами, она, как Святогор, не знала, куда приложить свои силы, очевидно, кровь в ее жилах так и играла, так и кипела. К тому же мифотворец, толкующий и переводящий мифы всех народов, умел до безумия разъярить ее фантазию. А вообще-то их отношения между собой были поистине трагичными. Сколь бы не были они духовно богаты, сколь бы не были утонченны их ощущения, как бы высоки не были взлеты их мыслей или изощрены вкусы, — все же по контрастному закону человеческой сущности в них так же широко и глубоко гнездилась темная, земная природа. Такая же богатая поляризация природы заключается и в каждой мифологии. Кроме того — у Данте и Шекспира в их трагедиях, драмах и комедиях, достойных мифологии целого народа.

Таким-то вот образом, думающие каждый свою думу, погруженные в безмолвие, созерцали они великолепные пейзажи, изнывающие под палящим солнцем и вызывающие ленивую истому.

Завидев полуразрушенный мосток через речушку, заросшую водорослями и скрытую в тени могучий дубов, Бубука воскликнул:

— Вот где идиллия; не хватает лишь розовых нимф, русских дриад и догоняющих их волосатых фавнов с раздвоенными копытами и круты-ми рогами.

— Вы себе и представить не можете, какие здесь блестящие рыбки — окуньки и форели проносятся молниями. А какие поседевшие раки, пятась, скрываются под камнями и залавками!.. Мне снится мое солнечное детство, — заговорил Калейс.

— Мне надоело это однообразное солнце на однообразном небе. Внутри себя я созерцаю иное солнце, намного ярче и красочней, чем на этом свете, — добавила Ангелина Францевна с неизъяснимым чувством во весь голос.

— Вы — мистик, — проницательно заметил Калейс.

— Что же из того! Насколько необъятней, просторней еще не открытый, пока не постигнутый духовный мир человека, чем эта синяя тюрьма¹¹, в которой томятся все непосвященные!

— Томятся? — недоверчиво переспросил Калейс.

— А то как же?! Я понимаю крестьян, которым солнце вместо лампы освещает руки, они делают настоящее дело. Но что видит и делает ваша интеллигенция, не всматриваясь в себя, живя предрассудками дурно понятых народных обычаев, не экспериментируя, не сопереживая? Я удивляюсь, как вы, господин Калейс, этого не замечаете, —

философствовала г-жа Бубука. Муж ее, напротив, никогда не философствовал, но время от времени кивал на что-нибудь непривычное и молчал, наверное затем, чтобы Калейс мог лучше постигнуть суждения его жены.

— Ну так что же — скажите, что же нам делать? — не совсем понимая, спросил Калейс.

Она стряхнула пепел папиросы на сапог мужа и, глубоко вздохнув, странно взглянула на Калейса:

— Вы поэт и у вас такая бедная фантазия, что вы обо всем спрашиваете. Ха, ха, ха!.. Нет, г-н Калейс, вам просто не хватает смелости и решимости. Ваша фантазия, кажется, работает по-мужски, да только никогда не осуществляется. И поэтому ваша поэзия иссякнет из-за нехватки образов и тем. И никогда не станет яркой, с элегантно ритмикой, значительной и пластичной, как у великих поэтов мира.

— А у вашего мужа? — спросил Калейс.

— Он сломленный человек, но это не важно!

— Что вы говорите, сударыня?! — воскликнул в изумлении Калейс.

— Только правду! — отрезала она.

— Слушайте, слушайте, г-н Калейс! — Бубука, подпрыгнув от ее презрительного замечания, увлеченно внимал ей: — Мое “я” здесь не важно. Я как галоша — захочет она — одевает на ногу, захочет — выбрасывает. Не бойтесь, меня это не оскорбляет. Таков уж ритм ее жизни.

Калейс удивился, а г-жа Бубука, вдохновенно продолжала, будто не слыша мужа:

— Хотите, я продекламирую для вас Мицкевича в оригинале, увидите, какая это захватывающая страсть, пластика и музыка слов!

— Пожалуйста! — воскликнул Калейс, и она начала странным, рокочущим голосом восхитительно декламировать какую-то любовную трагедию, которая дивно прозвучала, потому что в тембре и в вибрациях ее голоса было глубокое переживание.

Когда она закончила, Калейс восхищенно воскликнул:

— Великолепно! Великолепно! — и попросил почитать еще что-нибудь по-русски.

— У русских нет еще этой сконцентрированности страсти и музыки слов. Но это есть в английской поэзии. К сожалению, по-английски вы поймете еще меньше, чем по-польски.

И все же она продекламовала несколько египетских сонетов Китса. Наконец, она замолчала.

— Видите ли, сударыня, вы слишком резки, суровы и презрительны к нам, поэтому все бегут от вас.

— Нет-нет, г-н Калейс, она лишь прямая и гордая. А гордость вы-

страивает ритм благородной души. С ним надо сжиться. Дело лишь в тоне, в высоком. Прекрасном тоне. Это как тон валторны или дивный аккорд на рояле. И не более того. Вы понимаете, г-н Калейс? — быстро спросил Бубука после такого необычно пространного объяснения.

— Существует нечто такое, что нужно постигать интуитивно, потому что каждое разъяснение рассеивает волшебство. Захватывающее предчувствие, душевная восприимчивость и жизнь без оглядки, ни в прошлое, ни в будущее, ни на себя со стороны, вот что вовлекает нас в приключения, которые придают фантазии величественные контуры, благородной жизни — ритм, ослепительное изящество, — громко разливалась Ангелина Францевна.

Вдруг она схватила руку Калейса, прижала ее к своему сердцу и воскликнула:

— Чувствуете ли вы пульс фантазии? Но насколько стремительней пульс вдохновения! Так должна пульсировать настоящая поэзия.

— Великолепно! — выкрикнул Бубука, вновь подпрыгивая на дрожках и вовсе не сердясь на жену.

Захваченные разговором, который, к сожалению, так и остался незаконченным, они увидели, что лошади уже подъезжали к крыльцу старинного овина. Калейс, как оглушенный, ощупал свою пульсирующую руку, но не соображал, где они находятся и что сейчас должно произойти. Так мы иногда чувствуем себя, пробудившись от волшебного сна, после которого одолевает грусть.

Да, нужно было вылезать, так как их уже встречала неуклюжая лесничиха, фигуру которой обезобразил труд; заложив одну руку за спину, другую покоя на животе, она, поблескивая карими глазами, то улыбалась, то смеялась, обнажая почти беззубый рот. Так она всегда встречала господ. Будучи почитательницей латышских писателей, она познакомилась с Калейсом у Ошиньша. Но из-за чужих господ, с которыми она не могла и словом перемолвиться, так как знала только латышский, лесничиха волновалась больше, чем следует.

— Дорогие, долгожданные гости! — рассыпалась она в любезностях, — как же мне вас принимать! Проголодались небось, ведь десять верст (а столько мы и проехали) — это небось не шутка. Г-н Калейс, ведите же гостей куда вам угодно — либо в комнату, где тесно и жарко, либо в сад под яблони, где пчелы, мерзавки, гудят над ухом, гляди, еще напугают.

И Калейс стал знакомить гостей с хозяйкой, но Ангелика Францевна протянула “бабе” лишь кончики пальцев. Поначалу он повел их в комнату, но так как там действительно было слишком жарко и множество мух, то предпочел вывести их во двор, под яблони, туда же они

с лесничихой вынесли и обеденный стол. Тотчас на столе появились лепешки, медовые соты, только что из ульев, и, чтобы запивать все это, — свежие сливки.

Гости набросились на снедь с большим аппетитом. Но вдруг до Калейса дошло, что, если есть мед прямо с сотами, то есть, с воском, то можно умереть. Это замечание произвело такое впечатление на г-жу Бубуку, которая уже изрядно наелась сот, что она среди полуденного зноя посинела и задрожала, как при десятиградусном холоде. Г-н Бубука кутал ее в шали, а Калейс побежал за лекарственным средством. Хотя пришедшая хозяйка и успокаивала, что ничего страшного не случилось, что так принято есть, Калейс, волнуясь, просил только лекарства, и она побежала за редькой в сметане, которая проворно была поглощена помимо меда. В конце концов выяснилось, что страхи были напрасны, и весь переполох произошел из-за пустого воображения. Калейс не мог сдерживать смех, припоминая недавние величественные взлеты г-жи Бубуки и такое безвольное падение из-за пустых фантазий. Воистину, от великого до смешного — один шаг. Чтобы не расхохотаться, он поспешил их оставить и спрятался в комнате. Теперь они разговаривали и объяснялись с лесничихой. Лесник с рыбаками были уже на реке и им нужно было лишь перейти луг. А выловленную рыбу она наказала прислать ей для ужина. Сынишка лесников прихватил и ружье, может быть удастся подбить качку, будет тогда и жареная утка.

Дело было ясное. И Калейс предложил идти к реке уже успевшим успокоиться горожанам. Заметив, что г-жа Бубука все еще чувствует себя неловко в столь необычных для нее обстоятельствах, он взял ее под руку и повел, чтобы она не споткнулась в высокой траве, кроме того, на лугу, очевидно по весне, местами были наезжены колеи. Снова начались наблюдения за природой, догадки, как называется тот или другой цветок, Бубука в особенности с удовольствием исследовал и отмечал конкретно каждую мелочь, в это время жена его, попав высоким каблуком в какую-то колею, грузно покачнулась и, несмотря на все усердие Калейса, упала, перебросив его через себя. Разумеется, виноватым снова оказался он, хотя делал все, что было в его силах. Ангелика Францевна рассердилась и у первого же стога опустилась на землю, — отказываясь идти дальше. Что тут было делать? Тем временем Бубука заметил за кустами рыбаков. Калейс не знал, то ли идти за ним, то ли остаться сторожить несчастную даму, которая, несмотря на свою гордую и грозную боярскую породу, была близка к слезам. В конце концов Калейс попросил разрешения поздороваться с рыбаками и пошел к реке.

Но вдруг, в тот же миг выскочил из леса олень, с высоко закину-

тыми огромными рогами. Косившие сено на лугу так заулюлюкали, что олень изменил курс и помчался туда, где уже было скошенное пространство, то есть прямо на стог, около которого бессильно опустилась г-жа Бубука.

— Калейс, бегите на помощь, она перепугается! — нервно закричал издали Бубука, так как сам он не привык быстро передвигаться. Но тут все увидели, что навстречу оленю со стороны лесничества бежит какой-то мужчина. Он бросился со всех ног к оленю, подбежав к нему у стога так близко, что ясно различил мощную сморщенную морду, большие черные, сверкающие глаза, не говоря уже о разветвленных рогах. Конечно же, олень мог растоптать его на месте или поднять на рога, но, спасая неизвестную даму, человек о себе и не подумал. По счастливой случайности, олень первым отскочил в сторону, и г-жа Бубука и ее спаситель были вне опасности.

Незнакомец подбежал к г-же Бубуке, которая дрожала от пережитого страха, и, благодаря, попросила его остаться с нею. Подбежал и Калейс, но позднее. Каково же было его удивление, когда в спасителе он узнал Росбакса. Навестив доктора и узнав, что Калейс вместе с петербуржцами поехали рыбачить, он пошел следом за ними, пока не нагнал их у реки.

Бедняга Росбакс разгорячился от ходьбы и бега. Лицо его горело огнем. Рубашка на груди промокла так, что он, спрятавшись за стог, снял ее и, скомкав, засунул в карман. Г-жа Бубука рассмеялась, и вытащив, развесила ее на кусте под солнцем, это очень удивило и обрадовало Росбакса, потому что домой он смог бы вернуться сухим. Он не манерничал, держал себя как деревенский, и это ей нравилось.

Отправив Калейса к рыбакам, а Росбакса, этого будто с небес свалившегося чудака, она оставила при себе.

Некоторое время они еще обсуждали случившийся инцидент, но, когда тема оленя была исчерпана, Ангелика Францевна предложила пройтись к реке. Но как назло у нее на узком ботинке развязались шнурки. Сама она ни стоя ни сидя завязывать их не могла: это всегда исполнял муж, но теперь, живя на мельнице, дама еще более раздобрела, а супруга поблизости не было. Смущаясь, Росбакс предложил ей свою помощь, и она благосклонно разрешила ему завязать шнурки, величая его при этом своим дважды спасителем. Росбакс стал невольным созерцателем ее маленькой аристократической в шелковом ажурном чулке ступни, которая, как видно, столетиями формировалась и сжималась. Это Росбакс простодушно отметил и рассмеялся. Также он заметил мощные икры и гигантские колени. Тут Росбакс внезапно вспомнил сонет Бодлера “Гигантша” и импульсивно продекламировал первую строфу:

ем спасении, он вас помилует. Тайн между нами быть не должно, они портят отношения.

— Нет, нет! Он убьет меня! — Росбак вскочил, заметавшись от страха.

— Будьте же разумны! — чуточку осердясь, одернула его г-жа Бубука. — Мой муж великодушен и умен, такого вы еще не встречали. Вы же начитались романов, где мужья карают любовников своих жен, но в жизни это так редко случается. Всегда находятся какие-то смягчающие обстоятельства. Только ничего не рассказывайте другим, пожалуйста, на мельнице, например, или в лечебнице. Только мы вчетвером можем обсуждать это.

— Калейс будет моим секундантом, — печально прошептал все еще не пришедший в себя и сконфуженный Росбак.

— Бедняга, он словно уже приговорен! — в тон ему добавила она. Но эта сочувственная фраза вдруг вызвала слезы у Росбакса, и они покатались, словно дождевики, по его щекам.

Теперь-то г-жа Бубука с полным непониманием уставилась на это чудо природы. Что значат эти слезы? То ли это была благодарная сентиментальность крестьянского парня? То ли осознание проступка? То ли желание еще побыть вместе?

— Чего же вы хотите от меня, Росбакс? — любовно шептала она, не понимая, что же в конце концов происходит.

— Я хочу обнять вас всю и возлечь с вами. Ведь все равно мой смертный час пробил: я оскорбил плоть чужой жены, — всхлипывал Росбакс, утирая ладонями слезы.

— Так вот чего он хочет! Обнимать меня! А любить меня — не любит. Как же быть? Пусть будет по-вашему. Но присмотрим более укромное место. Только боюсь, что ничего не получится. Я, подобно Афине, закована в корсет. Единственно доступны ноги, но вы их уже ощутили.

Ах, какая это была соблазнительная речь, как умела она говорить! Росбакс, следуя за ней, весь дрожал от возбуждения, а она пробиралась через кустарники и кочки прямо к реке, где неожиданно перед их взором предстал г-н Бубука с рыбаками.

— Ну, здесь нельзя! — провозгласила Ангелика Францевна и обхватила его талию. — Простите, в другой раз. Подойдемте-ка лучше к моему мужу. Ну же — поцелуйте меня!

Она не отпускала Росбакса, глядя с вызовом ему в лицо. Росбакс исподлобья взглядывал на нее, не смея поцеловать такую важную даму. Наконец она ухватила его за подбородок и сама поцеловала. Затем быстро повернулась и заспешила вдоль реки к рыбакам, думая, что Росбакс идет следом. Но последний остался стоять там, где был. Он

смотрел в черные, зыбящиеся воды омута и от волнения дрожал.

Он доселе не встречался с г-ном Бубукой, который представлялся ему еще более величественным, чем супруга, и был уверен, что смертный час его пробил. И тут же пришло на ум — не лучше ли утопиться, чем пасть от пули на дуэли? Ведь он еще никогда не стрелял. И это бесчестье, что он пал из-за связи с чужой женой! Быстро сорвав сорочку, так как рубашка сохла у стога, он кинулся вниз головой в воду, но через минуту, пыхтя, как тюлень, вынырнул у другого берега. Высунув голову из воды, он, раздумывая, не знал, что предпринять — топиться или только искупаться.

Рыбаки в это время делали свое дело. Они уже набили целый мешок угрей. Г-н Бубука держал мешок за хохол и волочил по земле, но самым вертким рыбам удавалось выпрыгнуть, и сынок мельничихи, пятнадцатилетний парнишка, вновь подбирал их и запихивал обратно. Видимо, оба они получали удовольствие от обладания мешком с угрями. Калейс молча следовал за рыбаками.

Тут вдруг из тростника с громким плеском поднялась стая уток, и парнишка, схватив ружье, которое висело у него на плече, выстрелил прямо над Бубукой в птичью стаю. Парочка уток упала на землю. “Теперь будет жаркое из уток!” — мальчик ликовал.

А г-н Бубука побледнел и перекрестил не грудь, но живот.

— Что вы делаете? — воскликнул он. — Утка — святая птица, в нее вселяются души умерших. Быть может вы созерцаете, как падает ваша бабушка!

Калейс не понял, что Бубука хотел этим сказать. Возможно, он только мистифицировал парнишку, желая передать ему добрые чувства.

В этот момент подошла и Ангелика Францевна, усталая и с одышкой, потому что берег реки был топким, и высокие каблуки вязли во мху.

— Г-жа Бубука, — спросил Калейс, — серьезно ли то, что говорит ваш муж?

— Все может быть. Он вжился в атмосферу сказок и легенд. Он воистину верит многим поверьям и обычаям предков, ведь не может же быть без оснований то, с чем народы жили тысячелетиями. А я, напротив, сторонница естественных наук, — добавила она.

Калейс подумал, что, быть может, г-н Бубука просто испугался выстрела. Заметив отсутствие Росбакса, он удивился, куда же тот подевался?

— Купается, — Ангелика Францевна указала рукой туда, где за кустами виднелась лишь всклокоченная голова.

Рыбаки дружно стали сетовать, что им холодно, особенно погружаться в глубину омута. Тогда паренек снова принялся их согревать,

наливая по стаканчику из фляжки с водкой. Под командой добродушного седобородого лесника они с новыми силами кидались в реку. Один держал, другой растягивал сети поперек реки, третий сачком обыскивал все коряги, а сам лесник собирал угрей, запутавшихся в сетях. Трава по берегу была уже скошена, только вдалеке виднелись еще бурые островки среди камыша и синеватых хвощей. Река здесь была глубока и спокойна, словно широкое, темно-синее полотно.

Когда они изрядно натешились рыбалкой и охотой, лесник заметил, что солнце уже заходит и, пора, дескать, нести уток и рыбу хозяйке для ужина. Отнести все это должен был парнишка, но ему не хотелось прерывать интересное занятие, а тут оказалось, что гости и сами не прочь ехать домой. По дороге назад разговоры о внезапно исчезнувшем Росбаксе вдруг иссякли и всех охватило умиротворение. Г-же Бубуке очень хотелось кушать, и она потихоньку жаловалась Калейсу, что “баба” вряд ли сумеет приготовить по-настоящему вкусно.

У входа в сад внезапно навстречу им вышел Росбакс в сухом белье, с платком на шее и в очень хорошем настроении. Все страхи его как рукой сняло, лишь только увидел он крошечный рост и доброе лицо своего соперника. Ангелика Францевна подвела его к своему мужу и, тонко улыбнувшись, отрекомендовала: вот, этот бесстрашный герой, который отпугнул оленя. Его зовут Росбакс, он студент и выдающийся поэт? — так уж он сам ей отрекомендовался — “в чем я и не сомневаюсь”.

— Приветствую вас! Как это любезно с Вашей стороны! Пока мы с Калейсом только размахивали руками от испуга, олень целенаправленно бежал себе вперед. — Бубука подтрунивал над собой и этим совсем ободрил Росбакса.

— Ну и чудище же это было! — воскликнул Росбакс в полный голос и рассмеялся: — Ей-Богу, я бы струсил сам, если бы прежде знал, что олень такой огромный. Ведь я его видел впервые и несся на него как во сне. Хорошо еще, что испугался он, а не я.

Пока хозяйка, шутя и любезничая, удалилась на кухню, прихватив добычу, гости прогуливались по саду, отмахиваясь от пчел, а затем в уединенном уголке опустились на зеленую траву. Калейс предварительно расстелил лесничихино одеяло, яркие, характерно латышские, красно-желто-зеленые полосы которого изумили и обрадовали обоих Бубуков. Принесли и несколько подушек, чтобы г-жа Бубука смогла устроиться с некоторым удобством.

Когда она усаживалась и с усилием поднималась, то не казалась особенно грациозной обоим своим кавалерам. Но зато она могла похвастать феноменальной памятью и постижением поэзии. Так как ужина нужно было дожидаться еще пару часов, то для времяпрепро-

вождения она предложила почитать “Евгения Онегина”, за чтением которого все способны были следить.

Какое это было чудесное чтение, какая благородная, достойная прекрасного простота! Калейс с Росбаксом, слушали затаив дыхание, ибо на них повеяло такой духовной красотой и чувствовался такой выдержанный в своем великолепии стиль, — и показалось им, что впервые они слушают и понимают поэзию Пушкина. С каким вдохновенным блеском раскрывались горестные заметы самого автора, грусть и радость страсти или удары гениальной сатиры!

Когда она начала читать третью песнь, где Онегин с Ленским, после первого знакомства уезжая от Лариных, сдержанно обмениваются впечатлениями о двух барышнях, Калейс не выдержал и попросил повторить еще и еще раз. Вот некоторые строки из тех, которые были прочитаны с расстановкой, изумительно безмятежно:

Они дорогой самой краткой
 Домой летят во весь опор.
 Теперь подслушаем украдкой
 Героев наших разговор:
 — Ну что ж, Онегин? ты зеваешь. —
 “Привычка, Ленский”. — Но скучаешь
 Ты как-то больше. — “Нет, равно.
 Однако в поле уж темно;
 Скорей! пошел, пошел, Андрюшка!
 Какие глупые места!
 А кстати: Ларина проста,
 Но очень милая старушка;
 Боюсь: брусничная вода
 Мне не наделала б вреда.

.....
 Скажи: которая Татьяна?”
 — Да та, которая грустна
 И молчалива, как Светлана,
 Вошла и села у окна. —
 “Неужто ты влюблен в меньшую?”
 — А что? — “Я выбрал бы другую,
 Когда б я был, как ты, поэт.
 В чертах у Ольги жизни нет.
 Точь-в-точь в Вандиковой Мадоне:
 Кругла, красна лицом она,
 Как эта глупая луна
 На этом глупом небосклоне”.
 Владимир сухо отвечал
 И после во весь путь молчал.¹²

Ангелика Францевна не повторила, оттого что портретная характе-

ристика Ольги поразительно совпадала с ее собственным лицом. И ей показалось, что именно поэтому Калейс попросил ее почитать еще раз. Ситуация создалась ужасная: ни извиниться, ни исправить. И все же он промолвил:

— Г-жа Бубука! В этом тексте я не мог и подумать ни о чем таком, что вы вносите в него своими многоточиями, интонацией и тембром голоса. Это настолько глубокая, тонкая и роковая поэтическая беседа, что каждое слово рисует в воображении целые картины. Эта интонация будет звучать у меня в ушах, пока я живу. — Опустившись на траву, он поцеловал ей руку.

— Ага! Теперь-то вы начинаете меня замечать, зазнавшийся жестокосердый поэт! — тем же декламационным тоном произнесла она, весьма довольная. А Росбакс вдруг метнул в сторону Калейса такой угрожающий ревнивый взгляд, что все понимающий г-н Бубука затрясся, как от электрического тока.

Не стараясь изобразить все метаморфозы, происходившие с Калейсом, пока он внимал декламации, скажу только, что теперь он думал лишь об одном: постараться как можно глубже проникнуть в тайны и бездны этой элитарной культуры. Он был готов на все, лишь бы приблизиться к тайникам ее духа и ее высокому тону. У этого стремления не было ни малейшей любовной окраски, но, напротив, гораздо более сложные интересы влекли его к ней: она ежесекундно задавала все новые и новые загадки и заставляла таким образом разгрызать более твердые орехи. Так думал Калейс.

Но у Калейса был теперь опасный соперник в лице Росбакса. А тот пока еще не знал, как поведет себя ее муж, добрый, пожалуй, но ведь все же ревнивый. Росбакс был весь охвачен яростью и возбуждением. С одержимостью пещерного человека он был готов броситься хоть в огонь.

Когда на закате лесничиха позвала их на ужин, Бубуки шли безрадостно и безнадежно, подозревая, что “баба” приготовила нечто несъедобное. Но когда они попробовали жаркое и рыбу, удивлению и похвалам не было конца. Супруги даже признались, что нигде так вкусно не ели. Как богов, приняла их Бавкида, но чем они могли ее отблагодарить, лишь наилучшими пожеланиями счастья, так как денег с гостей Ошиньша лесничиха не взяла бы. А когда хозяйка вынесла им еще сладкое, густое, темное латышское пиво, гордая дама одной рукой обняла ее сгорбленный стан, а другой потрепала по щеке, а муж крепко сжал в своих ладонях ее большую жесткую руку.

Между тем вчетвером уселись они на линейку, и Калейс погнал лошадей крупной рысью. Хотя дорога была неровной и мостки расшатаны так, что лошади рисковали сломать ноги, другого выхода не было,

потому что под вечер задул северный ветер, и г-н Бубука закоченел в своем легоньком суконном смокинге. Время от времени дрожь пробирала и его супругу. Ничего другого не оставалось, как только согреться остроумной беседой, шутками, смехом, который временами становился демонически жутким, и сухонький г-н Бубука перелетал от одного к другому, подобно некоему потустороннему духу или лемуру.

— Г-н Росбакс! — спрашивал он: — Расскажите-ка, как вы справились с оленем: как же он вас не затоптал? Вы же, как одурманенные, бежали друг на друга?

— А вы разве все это видели? — охваченный подозрением, вопрошал Росбакс.

— Да все было видно, как на ладони. И еще у меня с собой был вот этот бинокль!

Росбакс струсил. Действительно, бинокль — да еще какой! — с затейливым изломом висел у него на шее. Он ведь все мог увидеть.

— Что же вы притихли? — подбадривал Бубука Росбакса, который покраснел как рак, выкатив глаза.

— Да что там рассказывать, — усмехнулась супруга: — если ты уже видел все в бинокль.

— Олень отпрыгнул в сторону! Я только успел заметить его вскинутые рога и сморщенные губы, — глядя в сторону, отозвался Росбакс.

— Ах, отпрыгнул в сторону! Я тоже заметил что-то в этом роде. Но ведь он мог вас заколоть и схватить своими морщинистыми губами?

— Заколоть — мог. Но какой же олень проглотит человека. Хе, хе, — беспечно засмеялся Росбакс.

— Есть такие олени... я-то знаю. В Усть-Сы сольске один такой чуть меня не сожрал.

— Вот, посмотрите — только остатки остались! — засмеялась супруга, затаившись папиросой.

— Ну и как же он вас пожирал? — заметив, что происходит розыгрыш, Калейс стал подыгрывать.

— Ах, какой это был ужас! И случилось это тогда, когда те олени — особенно самки — самые свирепые, то есть в то время, когда целых три месяца царит полная тьма, когда люди залезают в лежбище, выходят лишь за пищей и вновь укрываются в юртах, где все время скучают и не знают, чем бы заняться. В то время и оленихи свирепеют, и уж ежели нападут на кого, то затопчут и, случается, даже сжирают.

Рассказ его был весьма нелогичен и бессвязен, да уж такой обычай у мифотворца был вести беседу. Но расспрашивать ни о чем нельзя было.

— Эти северяне своеобразны. Не только монгольская раса, но и живущие там славяне. Скука ужасно длинной зимы отдает их под

власть сатаны, потому что с сатаной, видите ли, всегда весело. С ангелами, напротив, скучно, если нет какого-нибудь занятия.

— Разве у вас недостаточно было керосина, чтобы читать и писать? — спросил Калейс.

— Читал я много. Но о чем будешь писать, если нет никаких стихов? С той самой поры я и освоил всю колдовскую науку шаманов.

— А вы? — Росбакс подобострастно обратился к супруге Бубуки.

— Все их ведьмачье мастерство! Ха, ха! Даже на метле могу пролететь мимо месяца в Вальпургию, — усмехнулась она, резко обернувшись к нему.

— А на колоде смогли бы? — смущенно спросил Росбакс.

— И на колоде тоже. А вам бы хотелось спрятаться и посмотреть? — спросила она у него.

— Что, удивлены? — воскликнул г-н Бубука, заметив налившийся кровью взор Росбакса. — Она вас за нос не водит. Это вполне возможно. Потому что все возможно, о чем рассказывается в легендах. Уж мне-то можете верить.

— Значит, вы г-жа Бубука, можете меня умчать в самый ад? — спросил Росбакс, который теперь был за кучера, пристально глядя ей в глаза влюбленным взором: — А небо не в вашей власти? Хе, хе!

— А разве вы там еще не побывали? — удивилась она, и, услышав это, г-н Бубука подпрыгнул так, что клацнул зубами.

— Да, я был там, — Росбакс счастливо улыбался, вспоминая.

— Ну, как же — как же там было? — расспрашивал Бубука.

— Я бы хотел навсегда остаться там, — зашептал он смущенно и вновь лицо его приняло наивное выражение.

Вот один, вот другой перелесок проскочили они, вот еще, коченея от ужаса, переправились через один, другой сломанные мостики, и конь, наконец-то, вывез на большак.

Уже совсем стемнело, когда они подъехали к конюшне на мельнице. Промерзшая чета Бубуков тотчас прошла в комнаты. Калейс и Росбакс проследовали за ними.

Хозяйка Малта оставила своим гостям ужин на столе, а сама с работницами ушла спать.

Ужин подходил к концу и пока мужчины наливали себе еще по стакану чая и взяли по яйцу, супруга Бубуки распорядилась в спальне за толстыми портьерами. Когда Калейс уже попросился, г-жа Бубука вдруг воскликнула странным голосом:

— Г-н Росбакс, вы ведь сегодня домой не собирались. Вы там, на лугу, высказали мне одно желание.

У Росбакса волосы стали дыбом. Что она имела в виду?

— Идите, идите. Уже поздно! — г-н Бубука, взяв его за руку, завел

за портьеры. — А мы с Калейсом в карты поиграем.

Калейс почуял недоброе и, усмехнувшись, тут же ушел.

А Росбакс увидел, что гигантша натирала подмышки разными ма-
зями.

— Ну что ж вы оторопели, ведь сами же хотели забраться со мной
в колоду и умчаться в преисподнюю.

Он оглянулся, но колоды нигде не увидел.

— Где же она? — наконец вымолвил Росбакс.

— Так вы не увидите. Подойдите-ка сюда!

Он нерешительно приблизился к ней и вдруг ощутил какой-то ре-
зкий запах и странную прохладу на лбу от мази...

— Да как же вы полетите, не намазав подмышки! — засмеялась она
и велела снять одежду, причем тут же сдернула с него сюртук. Полу-
живой, он делал то, что ему велели. И как только намазался, вдруг по-
чувствовал, будто крылья выросли за плечами, на пояснице, на пятках
— и дух захватило от неизведанного доселе восторга.

Наконец, он действительно лежал в колоде, и ведьма, вскочив на
нее верхом и пристукнув маленькой тросточкой, вылетела через окно,
правда, пару раз зацепив за ставни.

Небо было полно звезд, и они казались так близко, что их можно
было сорвать, и сверкали они подобно гроздьям винограда; луна ста-
ла такой большой и светлой, что, можно было бы книгу читать, как
днем; серой, туманной, далекой внизу распласталась земля — и дела-
лось страшно. Все горы вдали как бы приподнялись и сомкнулись
внизу, вокруг долины. Затем он стал опускаться и — о чудо! — неуже-
ли это были те же самые луга с редкими кустами, стогами и петляю-
щей посередине рекой, откуда они недавно приехали? Пораженный,
он прошептал: “Ну, слава Богу, все возвращается!” Но она внезапно
вскрикнула: “Нет!” — и они неожиданно очутились в такой глухой и не-
проницаемой тьме, что Росбакс ощутил, будто он уже умер и захоро-
нен. “Теперь мы проносимся под землей, — поясняла она, как добро-
совестный гид, которому заплачено за работу. — Вон там — скелеты
светятся фосфорическим блеском. Это все великие грешники древно-
сти и средневековья, о которых рассказывается в дантовом аду”.

Не успел Росбакс оглянуться, как зашипела горящая смола и через
пышущий жаром свод они вверглись в новое пространство. Оно име-
ло форму котла и кишело людьми, примерно, как на пляже, только
здесь не нужны были купальные костюмы, и водный резервуар был
среди скал, что высились со всех сторон, как медные стены; небо то-
же было, словно медная крыша, и, проносясь под ним, их обдало та-
ким жаром, что на теле выступил пот. Росбакс почувствовал смертель-
ную усталость. Ему хотелось домой или хотя бы остаться здесь, толь-

ко бы больше не проваливаться в преисподнюю. Кто мог поручиться, что там не появится, как в пьесах Райниса, целый легион чертей с раскаленными вилами, которыми бы его, беднягу, пронзили. Он только засомневался, согласится ли ведьма остановиться и повернуть обратно, не спустившись до самого дна преисподней? Он взмолился, что больше уж совсем невмочь, и вдруг на самом деле неожиданно выпал из колоды, только оказался не в Даугаве или еще черт-те где, а в том же самом зале на диване: силач лежал в обмороке и, когда он очнулся, в ушах еще звенело.

— Друг мой, что с вами? — сторбившись над ним, вопрошал Бубука. — Такое путешествие вовсе не из легких. Тут нужна многолетняя практика. А вы сразу захотели до самого конца, вы думаете, конец так уж легко достигается? Конца, друг мой, ни у чего нет. Все бесконечно и на небе, и в преисподней. Росбакс не мог ответить, потому что в ушах невыносимо звенело и голова была как в тисках.

— Где ваша супруга? — жалобным голосом спросил Росбакс.

— Бог с ней: теперь лучше совсем забыть о ней и ничего не спрашивать. Ваша жизнь была в опасности.

Голова у Росбакса и в самом деле была как будто налита свинцом и он прилег с мыслью: “Будь, что будет. Теперь все равно”.

— Ничего, все будет хорошо! — Бубука хлопотал возле него, прикладывая к сердцу ветошку, смоченную уксусом.

Приоткрыв веки, Росбакс увидел большие черные глаза Бубуки, его красные пухлые губы вампира. “Не сам ли это сатана?” — подумал Росбакс, и показалось ему, что сейчас он умрет.

Выбежав из комнат, которые занимали Бубуки, Калейс обрадовался, что снова может дышать ароматом роз во дворе хозяйки Малты, смотреть на ясные звезды в небе и слушать романтическое журчание воды у мельничных шлюзов, которое эхом отдавалось от кладбищенских деревьев.

Ему в самом деле чрезвычайно противна была эта г-жа Бубука, которая ни в чем не знала меры — чудовище с самыми элегантными манерами! Но — как же она умела читать стихи Пушкина и Мицкевича! Когда он вспоминал про это, она снова казалась ему недостижимой, духовной и утонченной. Так что диапазон ее естества был безмерен. Подобно тому, она имела обыкновение, присев к роялю, брать аккорды. И тем не менее вся она была обращена вовнутрь себя, а внутренняя ее сущность была скрыта. Была она, как спокойная морская гладь, в глубинах которой тысячи кораблей пропадали в часы бурь. Она погружалась в мифологии разных народов, как в “Метаморфозы” Овидия или в “Божественную комедию” Данте. То, что муж ее исследовал и о чем ей рассказывал, она воплощала в петербургской богеме. В

критические моменты Калейса уберегало от нее привезенное Бубуками письмо Татьяны Николаевны. Звучало оно так:

Милый друг!

Это письмо передаст Вам сам г-н Бубука. Он не знает его содержания, но, надеюсь, даже если бы знал, то простил бы меня.

С вашей стороны была большая любезность пригласить их к себе на жаркие летние месяцы. Им это будет приятно, а для Вас поучительно, потому что Ангелика Францевна — одна из самых заметных дам Петербурга, а Бубука прекрасный художник.

В Петербурге несколько сезонов было буквально их двоевластие. На Севере они впитали забытую византийско-национальную мифологию, замешанную на удивительном шаманстве, которому они придали рафинированность Бердслея. Философ,¹³ в чьем доме мы познакомились, привез их в столицу из Киева и ввел в моду. Здесь они царили несколько сезонов, пока не объявился поэт-доцент, потеснивший их своим солнечным западничеством. Говоря об этом, я не хочу никого осуждать, а лишь информирую Вас.

Несмотря на то, что Ангелика Францевна — отпрыск старинного дворянского рода, а Бубука благодаря врожденному таланту обрел бердслеевскую рафинированность, они все же — опасный капкан не только для Вас — крестьянина, лапыша, но и для художественных кругов Петербурга. Видели ли Вы, как боролся с ними молодой поэт, крестник Владимира Соловьева?¹⁴ Так же придется поступить и Вам, если захотите избежать опасных экспериментов, которые могли бы прервать Ваше развитие. В письме не хочу приводить никаких более подробных, конкретных описаний. Но умный человек поймет и дальнейшее. Оставайтесь самим собой, подобно Одиссею, который, залепив воском уши своих товарищей, сам только приказал привязать себя к мачте, чтобы все-таки услышать волшебные звуки и увидеть погибельные пляски этих сирен. Дружески жму Вашу руку.

Т.Н.Лансере

Вернувшись в лечебницу и заглянув в ящики своего стола, он отыскал это письмо и еще раз перечитал. Да, действительно, его чудесно соблазняли, но он избежал опасности, не в пример Росбаксу — да, что же все-таки приключилось с неумным Росбаксом? И тем не менее Калейсу было как будто бы жаль, вроде бы он позавидовал, что самого его не соблазнило это рафинированное чудовище. И могло бы стать, что он сдался бы этой Цирcee. Развлечениям подвластен он не был, но жажда познания мучила его, как Тантала, или как Иксиона. Росбакса же, напротив, к приключениям влекла по-верленовски мягкая натура.

На следующее утро, когда Калейс пробудился, Ошиньш уже возвратился с какого-то ночного визита к больному. К завтраку они вышли вместе.

Осведомившись, повезло ли с ловлей угрей, Ошиньш передал Калейсу программу музыкально-вокального концерта, которую прислало одно сельское товарищество.

— Вот куда мы поедем все вместе: мы двое, г-жа Малта и Бубуки. Пусть они увидят, что у нас культура в каждой волости, а у русских только в столицах, — патриотически расхвастался Ошиньш. Так они и порешили. Через несколько дней Бубуков ждало новое развлечение без которого они не могли переносить деревенскую жизнь.

Наступило воскресенье — день поездки¹⁵. Июльское утро было таким ясным, тихим и отрадным, каким бывает только в Латвии. Я жил в различных странах и среди разных народов, но нигде не видал ничего похожего на латвийское воскресное утро. Может, причиной тому наш умеренный климат и Валдайская возвышенность¹⁶ моей родины над лугами и долинами Видземе? Или же безмятежный отдых работающего, чистоплотного и здорового народа? Или ликование пастухов, которые по воскресным дням сменяют друг друга? А может быть, люди в праздничных нарядах едущие по дорогам в церкви и в села? Но для меня солнечные воскресные утра становятся тем великим Храмом, в котором я поклоняюсь своему Богу, Светлому Отче Балтийских божеств. Близость Его вселяет в меня неземное спокойствие и ясность, что присущи только духовному абсолюту. И Калейс, на крыльце лечебницы поджидавший Бубуков с Малтой, которая сама правила лошадьми, ясно ощущал, что и его избраница всегда обладала этим духовным абсолютом.

<...> После завтрака подошло время садиться на подводы, Калейс сел рядом с Малтой в ее высокие легкие дрожки, а Бубуки — в линейку Ошиньша, где правил он сам, чтобы зря не возить еще и четвертого ездока.

Для Калейса и Малты время пролетело стремительно и, нагнав повозку доктора Ошиньша, от которой сильно поотстали, они увидели конечный пункт своей поездки, имение, где должен был состояться концерт.

Доктор Ошиньш не дремал. Он нашел Дом Товарищества, который возвышался в два этажа, — обширный, как дворец. Похвастаться перед чужими, гостями из столицы, таким общественным домом, в котором, почти как в городах, происходили культурные мероприятия — доклады, концерты, театральные представления, балы, — принесло ему глубокое удовлетворение. Из толпы, которая уже начинала тесниться вокруг кассового стола, он указывал гостям — вот наши хористы, представители сельской интеллигенции, а вот там прогуливается наш рижский премьер-декламатор в черном фраке¹⁷ вместе с рыжим баритоном, которые выступают сегодня вечером.

Но для Бубуки не меньший интерес представляло выискивать своеобразные национальные особенности и еще более характерные слова, которыми их обозначать. Он был художником слова и находить пра-

вильное обозначение было для него настоящей творческой радостью. Доктор Ошиньш хотел перед ним похвалиться, вот, дескать, культура латышского крестьянина поставлена несравненно выше, чем культура русского крестьянина, но Бубука, признавая это, все же скептически усмехнулся, считая что культура крестьянского народа все же была грубоватой, нежели утонченная культура русской интеллигенции.

Повозки остановились перед Домом Товарищества. Кругом широколиственные клены бросали приятную прохладную тень. И под сенью этих деревьев они принялись обсуждать, что же предпринять, так как приехали на час-другой раньше. Но тут к счастью, Калейс заметил своего знакомого из местных, Анджа Йодобралиса, который лето проводил у своих родителей. Он также, как и Калейс, в дни революции из сельского учителя превратился в художника и без постоянного пристанища странствовал, ведомый своим вдохновением и музами.¹⁸

— Привет, Йодобрал! — воскликнул Калейс, выпрыгнув из дрожек, и юноша, который, ссутулясь, шел погруженный в свои мысли, внезапно вскинул голову и близоруко искал глазами окликнувшего его.

— А, г-н Калейс! Ну кто бы мог подумать повстречать вас здесь! Господи, хорошо-то как! Здрасте-здрасте! — безудержно заговорил он, пока не заметил две повозки с дамами и господами.

— Пойдемте, Йодобрал, я вас познакомлю, — пригласил Калейс, схватив его за руку, и по очереди представил его хозяйке Малте, доктору Ошиньшу и Бубукам. Протягивая последним руку, Йодобралис смутился, уж очень вельможный вид был у них. Доктор Ошиньш приглядывался к ним уже достаточно долго, но ему тоже было не по себе. Даже Калейсу в обхождении с Бубуками все время нужно было соображать, что и каким образом возможно и что неприемлемо для них.

— Скажите, Йодобрал, вы знаток здешних правил, где бы мы могли разместить повозки и сами тоже приютиться? — спросил Калейс.

— Сегодня это будет трудновато: обочина дороги, Дом Товарищества и больше ничего... Но постойте, попытаемся у моего бывшего учителя. Вот, смотрите, — показал он, — тут недалеко от большака, в том просторном доме. Я думаю, что для *таких* гостей там место найдется.

Слово *таких* очевидно относилось к Бубукам, потому что у латыша врожденное почитание настоящей интеллигентности, и он уже по лицу прочитывает ее истинность.

— Тогда садитесь, Йодобрал, и поедем туда, куда вы считаете нужным, — сказал Калейс и потащил коллегу на козлы, но у того были такие длинные ноги, что одним махом он очутился в телеге.

— Я весьма счастлив встретить вас у меня на родине. Честное слово, сегодня мне весело! — он восхищался, избегая улыбки взглядывающей на него Риты. — А. — будет декламировать, Б. — петь, В. — иг-

рать на скрипке, кое-что пропоет хор еще и в конце — танцы. Пусть петербуржец попляшет с латышскими пастушками! Ха, ха, ха! — Йодобралис громко рассмеялся, представив комическую ситуацию, как бердслеев демонист г-н Бубука будет кружиться с пастушкой, а его огромная, заносчивая ясновельможная пани с каким-нибудь деревенским парнем. А обычаи здесь были таковы, уж если кто-то приглашал, ответить отказом было нельзя. Все чувствовали себя равноправными.

— Несомненно, нужно быть готовыми к комическим сценам, — также в тон ему усмехнулся Калейс.

— Ну вот, это будет для них чем-то новым — они ведь все время стремятся к новизне, к еще непознанному, — добавила Малта.

— Эта новизна может быть разной, — извивался и горбился от смеха Йодобралис.

— И в самом деле, чудесно, что мы повстречались! Вам сопутствует неиссякаемое веселье, — отозвался Калейс, но Йодобралис стал серьезным.

— Должно отдаваться мигу — это мой девиз,¹⁹ — пояснил он смущенно. И вот они подъехали уже к дому учителя.

Навстречу им вышел невысокий, крепкий еще господин, с пепельным лицом, неприметный труженик, но человек с характером и самоуверенный. За ним следовала его супруга — еще цветущая брюнетка, дочь знаменитого рижского педагога. Йодобралис их перезнакомил. Лошадей отдали на попечение конюха, а гости, хоть и были до встречи совершенными чужаками, гостеприимно были приглашены на чай.

Большая радость встретить интересных людей в деревне. Для гостей тогда ничего не пожалеешь. И учительская пара отнеслась к этому также.

Приглашенный в комнату учителя, Бубука оглядел огромные книжные шкафы, которые были заполнены не только русскими и немецкими книгами, но и сочинениями французских и английских авторов. Он пальцем дотронулся до некоторых томов и потихоньку сказал Калейсу: “Это же настоящий Песталоцци. Что он делает здесь в деревне?” Йодобралис, находившийся тут же, пояснил: “Ему принадлежит также лучший перевод на латышский язык “Гамлета”.²⁰

— А, так он к тому же и литератор! — откликнулся Бубука.

— У нас в деревне и такие встречаются, — сказал Йодобралис.

— Мы с Йодобралисом такие же полудеревенские, — добавил Калейс.

— В маленькой Латвии больше, чем где-либо в мире, учеников средних школ и студентов. Школьники у нас пасут стадо, а студенты идут за плугом. С такими-то вы и повстречаетесь на представлении. А Вы, сударыня, — с лукавинкой в улыбке обратился Йодобралис к г-же Бубуке, сможете убедиться, как они ловко танцуют.

— Вы шутите или говорите серьезно? — не удержалась она от вопроса.

— Боже сохрани шутить! Но, конечно же, будет здесь и добрая часть истинных крестьян, которые только-то и побывали в этой приходской школе. Все смешалось — один брат учился в сельской школе, другой в средней, третий стал студентом. И все уживаются в одном доме. Как кому повезет.

— Значит все — вне традиций — как простолюдины, так и интеллигенция? — вопрошал Бубука, внимательно приглядываясь к говорливому Йодобралису.

— Ну, совсем не так. У нашего народа — значительные духовные ценности, а значит, и достаточно традиций, — встрепенулся Йодобралис.

— Народные традиции с гамашами и с манишками, — иронически усмехнулся Бубука.

— Да, уважаемые гости! — вмешался в беседу подошедший учитель: — Переход от народных традиций к общеинтеллигентским всегда колюч.

— И грандиозен стилевой путаницей, — добавил Бубука.

— Несомненно, мы живем в таком сумбуре, — серьезно продолжал учитель. — И трудно, очень трудно и нам, учителям, и священникам, придерживаться какого-то определенного стиля, но он вырабатывается постепенно. И однако, в этих народных традициях зачастую заключена такая прелесть и такая утонченность, что стыдно становится даже просвещенным.

— Это правда, только одаренная и подлинная старая интеллигенция не ошибается. Она легко осваивается в любых ситуациях, изучает их и действует согласно интуиции, — сказал Бубука.

— Это верно, — продолжал учитель. — Но ее беда в другом. Не форма, а само содержание ее часто гнилое. Низменная жажда наслаждений и властолюбие делают ее несдержанной и скотской, каким, к примеру, является и местное дворянство.

Калейс, сидевший за чаем опять же рядышком с Малтой, прислушавшись, одобрительно кивнул. А г-жа Бубука, заметив это, приоткрыла свои ровные зубы, хотя ничего и не сказала: уже давненько Калейс не казался ей своим человеком. Вот и теперь он сидит там с этой румяной деревенской мадонной, которая ее абсолютно не интересовала!

— Да, некоторые понятия у интеллигенции совсем перемешались, — продолжал учитель. — Например, все, что относится к браку. Донжуанство — одна из опаснейших болезней интеллигенции.

— Вы думаете, что в народе этого нет, — откликнулась с иронией г-жа Бубука.

— И все же в нашем почти нет еще, — гордо и убежденно констатировал учитель.

— Что же это за любовь, которая не принадлежит только одному и навек? Тогда это будет лишь карикатурой любви, — высказала свои мысли и супруга учителя.

— Ваша правда! — тихо согласился с ней Бубука: — Это так. Это так.

— Но интеллигенция — мелка, необузданна и не ведает сама, чего хочет. Берется за все, а в результате не схватывает ничего, — продолжал учитель, причем на физиономии Йодобралиса появилось довольное выражение оттого, что петербуржцам жарко приходится.

— Разве так уж разумно прожить всю жизнь с одной женой? — заносчиво засмеялась г-жа Бубука и тихо добавила: — Кто этим довольствуется, тот пусть и живет! Зимой мы поедем в Испанию, посмотреть бои быков. Ах, я хочу видеть кровь и песок! И она начала фривольно напевать что-то из “Кармен”.

Йодобралису это тоже очень понравилось, и он воскликнул: — Все пути хороши! Одному — этот, другому — тот, — и плотоядно рассмеялся.

— Что в Латвии на селе непригодно, то в Петербурге и в Испании сгодится, — Калейс тоже согласился, и, поблагодарив за чашку чая, они с Ритой вышли в сад, где цвели розы. Уединившись в аллее под прикрытием яблонь, они быстро обнялись и поцеловались. Остальные столпились на балконе. Только г-жа Бубука зашла к жене учителя привести в порядок свой туалет: она готовилась-таки к танцам, потому что и здесь надеялась на нечто внезапное и чудесное.

И часа не прошло, как вокруг Дома Товарищества собралась тьма публики. Когда подошли наши петербуржцы, была уже большая давка, и лишь Йодобралис, на правах местного, смог без очереди добыть всем билеты. Доктор Ошиньш любезно ухаживал за супругой Бубуки, а тот со странной ухмылкой на губах и в угольно-черных глазах весь превратился в наблюдателя за “народом”. Он дотронулся до руки Калейса и зашептал:

— Смотрите, вот проскользнула белолицая богиня Лайма в белой виллайне; а вот — посередине, с грозно поднятой головой, сам Перконс в полуцыганском обликии — не так ли?

И Калейс не мог не согласиться, они заняли свои места, и концерт начался.

Вначале выступил сельский хор, славно, без претензий, прозвучавший. Бубуке он понравился. Но вот появился плотный рыжий баритон с возбужденным лицом и красными руками.

— Мясник, ей-ей, мясник! — прошептал Бубука Калейсу, который

сидел рядом. Калейс изумился, потому что тот, действительно, был мясником по профессии, но и на концертах выступал как вокалист. Поражен своей точной догадкой был и Бубука.

— Как же он споет? — лукаво вопрошал нетерпеливый Бубука и стал ждать.

Нахмутив лоб, что гармонировало с его завитыми волосами, бари-тон завопил во весь дух, и — пошел орать с завидным темпераментом песню за песней.

— Ну, вылитый тюлень! — сказал Калейсу Бубука, и тот, рассмеявшись, передал это шепотом Малте.

Затем выступил и декламатор, из самых известных в Латвии, у которого была своя школа и по драматической части большие заслуги. Калейс весьма любопытствовал, как-то оценят его Бубуки, которые были завсегдатаями в мире артистического Петербурга.

Артист декламировал медленно, с особо выразительной пластикой, акцентируя главные мысли и все тонкости. Крестьяне увлеченно аплодировали и вызывали его, но Бубука заметил:

— Самый обыкновенный провинциальный артист, без какого-либо метафизического и религиозного ума. Мертвец, который, возможно, и жил когда-то.

— Неужели! — заволновался Калейс: — Но ведь он — наша главная сила.

— Возможно! Но истощился и теперь подвержен рутине. Что же вы думаете, если для этой публики достаточно самого элементарного выделения содержания? Здесь некуда расти, некуда развиваться. Но скажите, — разве горожане ваши тоже удовлетворяются таким “искусством”?

Калейс уже не смеялся и не переговаривался с Малтой. С грустью вспоминал он увиденное в зимнем Петербурге артистическое общество и увлекательные письма Татьяны Николаевны, а вместе с тем и ее скромную, умную, красивую головку и впервые его взяло сомнение, действительно ли, мельничиха из Вадаксте может представлять его идеал? Возможен ли с ней его дальнейший рост или правда, что он вырастет в свою землю и так окаменеет в ней навсегда?

Словами доктора Ошишьша он вопрошал себя: уж не понравилась ли ему ее доходная мельница и прекрасный сад? Является ли г-жа Малта тем созданием, ликующим открывателем, ведущим по вечным путям чувственных исканий? Таковой, наверное, не была и г-жа Бубука, которая в сатаналиях уже перешла все границы человеческого, но — Татьяна Николаевна?

Еще играл какой-то скрипач глубоко, проникновенно, но без изящества. В игре был огонь, были страстные переливы, но не хватало

свободы, пластичности, великого мастерства и тонкости в тысячах деталей, — и душа не раскрывалась. То — не песня соловья, а зловещие стоны филина. К такому выводу, под влиянием Бубуки, пришел и сам Калейс. Угас весь интерес к представлению, и друзья ждали лишь танцев, в которых проявилась бы типичность народа. Доктор Ошиньш познакомил г-жу Бубуку со своими коллегами — врачами, аптекарями и пасторами, все они были охотники до танцев. Она украсила шею дорогим колье из жемчуга и аметистов, шедевр, приобретенный на площади Св. Марка в Венеции, наследие глубокой древности, а на плечи накинула редкое сокровище — кружева восемнадцатого века, которые украшали ее могучий бюст, лаская глаз ясным рисунком. К сожалению, ни врачи, ни пасторы ничегошеньки не понимали в этих драгоценностях и даже не могли увлечь галантной беседой во время танца. В г-же Бубуке они видели лишь обузу, ее трудно было кружить по пыльной зале. Все время случались недоразумения и разговоры не связывались. Крестьяне же, глаза на нее, как на чучело, обходили ее сторонкой. Протанцевал с нею и доктор Ошиньш, который неизвестно почему становился все пьянее и пьянее.

Бубука осваивал народ, но супруга не давала ему покоя своими требованиями и распоряжениями по своему туалету либо жалобами на ненаходчивость кавалеров. И все же она не слишком плохо чувствовала себя, так как могла натанцеваться вволю. Неудовлетворенными оставались лишь духовные порывы. Такого своеобразного языка, к которому приучил ее муж, здесь никто не понимал. Единственно Калейс был понятлив, но он ее избегал и бродил только с “этой куклой”, как аттестовала она мужу хозяйку Малту.

А в зале тем временем случилось непредвиденное. В полубезумном состоянии скитавшийся по лесам, полям и болотам, в зал ворвался сбежавший от отца Росбакс, очевидно запомнивший обещание Бубуков посетить этот вечер. Предстал он с голой волосатой грудью, с хвоей в бороде, в стоптанных домашних сапогах и в старой домотканой одежде. Росбакса знала вся округа, но в таком виде он был настолько чужд и страшен, что никто не узнал пришельца. Он блуждал среди танцующих в поисках с в о е й партнерши.

“Где моя плясунья? — в экстазе шептал он: — Солнечная или лунная девушка? Гудят телефонные столбы: иди только вперед и — найдешь! Озеро, как чаша, склонилось и шепчет: загляни вглубь, русалочка лежит, распростертая на дне, и одеяние ее струится... Горы, покрытые дубравами, трубят: она гигантша, с кудрями ведьмы, что как вихрь проносится над тобою!”²¹ Вдруг Росбакс возопил, да так, что даже оркестр перестал играть. В абсолютной тишине он вполголоса продолжал снова:

— Где же моя невеста, я потерял к ней дорогу... Хе, хе, хе — олень выпрыгивает из леса и бежит прямо на меня. Торeadор, гордый и статный, расправился с этим лесным рогачом!.. А-аа! — вот где моя невеста! — узрев вдруг г-жу Бубуку, Росбакс, красный, как рак, с улыбкой стал приближаться к ней, и, ловко схватив за руку, издал при этом такой ликующий клич, что вся приличная публика бросилась спасать г-жу Бубуку. Особенно энергично действовал некий доцент с усами Ницше, глазной врач Дерптского университета, высокий мужчина в светлом летнем костюме.

— Это какой-то сумасшедший! — воскликнул он, смерив взглядом Росбакса, застывшего в экстазе, улыбающегося и напоминающего самого Пана, борода и волосы которого были полны сосновых иголок.

— Хватайте, вяжите его! — закричал доцент и бросился за подмогой, так как никто его не послушал. Но г-жа Бубука, опомнясь, сообщила, что это ее недавний спаситель и фаворит, взяла его за руку и, погладив по лбу и по волосам, повела его, как ягненка притихшего, за собою.

Действительно, Росбакс потерял рассудок. Это дитя природы, находившееся во власти первородных сил, получило от г-жи Бубуки слишком сильную порцию культурного наркоза и вот результат — выход за границы разума. Под командованием доктора Ошиньша собрался целый полк врачей, и они, переговорив между собой, порешили пока укрыть его в комнате местного лекаря, но тот слушался лишь г-жу Бубуку. С ней он был спокойным и даже казалось, что безумие оставило его. Росбакс, полностью игнорируя ее мужа, смотрел на нее горящим взором и блаженно улыбался. Он что-то бормотал стихами, чего никто, кроме самой госпожи, понять не мог, а она интимно тихо отвечала ему, и вместе они проявляли удивительное хладнокровие.

Тут г-н Бубука взял Калейса под руку и, отведя в сторону, произнес:

— Г-н Калейс, ничего опасного здесь нет. Росбакс лишь временно утратил равновесие. Буйное помешательство всегда завершается тихим просветлением. В настоящий момент его нужно изолировать от окружающих, но только по-доброму, а не силой или побоями. Душа его жива и полна фантазии, весь он растворен в космосе, парализован лишь его ум. Но вернувшись к обыденности, он вернет его. Эта болезнь свята, как античные Дионисии.

Бубука, необычайно подробно для себя, получше, чем любой врач, диагностировал болезнь Росбакса, и Калейс вместе с доктором Ошиньшем приняли после этого соответствующие меры.

Г-жа Бубука была столь хладнокровна, что все время оставалась с Росбаксом, и той же ночью вместе с доктором Ошиньшем сопровож-

дала его в Ригу. Оттуда Бубуки уже не думали возвращаться на мельницу, где о них уже начали расползаться темные слухи. Но сам Бубука совместно с Калейсом и Малтой еще заехал в дом мельничихи, быстро упаковался и лишь тогда со всеми вещами уехал в Ригу, чтобы оттуда вернуться в Петербург. В Вадакте Бубука уговорил хозяйку Малту отпустить Калейса с ним в Ригу.

<...> Довольно скорым получился отъезд из Вадакте четы Бубуков, а вместе с ними и Калейса.

Усевшись в высокие дрожки хозяйки Малты, они обменялись многозначительными, но благосклонными улыбками, пока на телегу укладывали их чемоданы.

— Вот, г-н Калейс, так-то у нас каждая поездка заканчивается. Ангелика Францевна обычно заваривает какую-нибудь кашу, от чего мы и должны-то бежать.

— И меня преследуют различные приключения, — вздохнул Калейс.

— Это и хорошо, друг мой, это хорошо! — значительно воскликнул, Бубука, восторженно заглядывая тому в глаза. — Это значит, что мы еще живы, еще жаждем жизни, проверяем, оцениваем ее, живем для еще неизвестных богов.

Не найдя в Калейсе сочувствия, товарища по убеждению, Бубука на секунду замолчал, потому что способен был вжиться в различные ситуации; казалось даже, что мнение Калейса его удивило героической верностью своей традиции, но тут же, представив себя на месте Калейса, — жить с Ангеликой Францевной на мельнице среди крестьян, — он съежился и содрогнулся. Ему так ясно представилось, что Калейс обманывает себя невозможным, и он воскликнул вдруг в полной убежденности:

— Нет! Ну пусть вы латыш, крестьянин, выросший в свою мифологию, — но вы же современный человек, который не сможет здесь, на мельнице, не умереть для живого искусства. Вы заблуждаетесь. О деревне у вас сохранились прекрасные детские воспоминания, вас сбивают с толку античные идеалы, однако где же те средние века греков и римлян с замедленным темпом жизни! Нет, нет! Зря вы себя обманываете. Три недели я бы еще мог так прожить, а уж четвертую не в силах. Ну, допустим, что вы еще проживете так три года, хотя я в это и не верю, но на четвертый, ей-же-ей, сбежите с этой мельницы или запьете еще похуже, чем этот доктор Ошиньш. Как современный живой интеллигентный человек может запереть себя в деревне? Это невозможно! Потому что деревня, милый коллега, в состоянии природного сна.

Калейс вспомнил свою жизнь в деревне перед революцией 1905 го-

да и действительно почувствовал, что было бы преступлением не дать алкающей душе развернуться. И тогда он сказал:

— Хорошо. Я согласен, что нельзя похоронить себя в деревне, но и оторваться от своей земли, от своих корней еще опаснее. Подобно осеннему листу, унесет такого ветер, высушит и, в конце концов, сбросит в грязную лужу.

Бубука в свою очередь раздумывал. Он не мог не заметить, что все созданное им было результатом исключительно огромной эрудиции, постижения народных ритуалов и вживания в неисчерпаемые богатства византийских апокрифов. Но, влюбляясь в каждый отдельный элемент, принаравливая его к своему стилю до изумительного слияния содержания и формы, он все же видел, насколько раздроблен был создаваемый мир его творений. Ни одного крупного произведения, ни одной обширной конструкции, ни одного проясненного, для всех понятного и приемлемого романа предъявить он не мог. Он творил лишь для эрудитов, для избранных. И все создаваемое им психологически символичное и полное мистических тайн не имело архитектуры, иными словами, было без позвоночника, причем написано таким языком, разуместь который можно было лишь со словарем Даля в руках. И наконец он произнес:

— Хорошо. Я признаю себя сорванным осенним листом, который, засохнув, в конце концов окажется в какой-нибудь луже, но и вы окажетесь в застое со всей своей землей, женой, детьми, и будете таким же, как ваш певец и знаменитый декламатор или же тот учитель, который когда-то в молодости перевел "Гамлета". Хозяйка Малта будет вам верной, идеальной женой, у вас будут появляться дети один за другим, как у вадакстского пастора, но далее всего этого вы уж не продвинетесь. И под конец еще и сопьетесь. Попомните мои слова!

Внимая всему этому, Калейс и на самом деле был охвачен чувством, что не следует ему никогда возвращаться в Вадаксте. Ничто не пугало его так, как духовная спячка, скудность впечатлений и оцепенение, когда человек начинал походить на животное. И тогда перед ним потускнела и Малта. Но стоило лишь подчиниться этому внушению, как снова его тянуло назад, к знакомой с детства деревенской дреме, к природе, к Рите Уплей, к сладким снам в мельничной долине. Возможно, что он вскоре бы пробудился бы от этой дремы, но тревоги мятежной жизни, которые преследовали его с 1905 года, когда он сбежал в Ригу, ему надоели, сделали его нервным, и он жаждал сельской тишины. И Калейс ответил:

— Я жажду сельского спокойствия, природной тишины и невинной любви. И детей, если вам угодно. Но я не верю, что тот, кто родился живым, и в деревне не сможет сохранить признаков жизни. Совсем

наоборот, природа возрождает и заставляет писать в духе народной поэзии.

Бубука все больше доказывал, что он умеет изъясняться не только обрывками символов и шутками, но и говорить вполне разумно.

<...> После обеда они втроем договорились поехать на Рижское взморье, потому что г-жа Бубука в жаркие дни не могла не купаться, а сам Бубука, напротив, никогда еще не бывал на этом взморье, а по обыкновению — в Крыму, у Черного моря. Купаться он не любил, а хотелось ему посмотреть на море, понаблюдать за гуляющей публикой.

Было солнечное послеобеденное время. На улицах Риги грохот повозок и крики извозчиков тонули в пыльном и жарком тумане, но наверху небо казалось прозрачным и спокойным. Втроем они отправились на юрмальский вокзал. Калейс купил всем билеты, и, когда они оказались в одном купе, ощутив, что все неприятное, вздорное и пыльное осталось в Риге, а навстречу им дышит лес и море, долетает волнение взморской толпы, они стали веселыми и беспечными, как дети. Г-жа Бубука закурила папиросу, предварительно любезно извинившись перед некурящим Калейсом, и улыбка уж больше не сходила с ее лица.

— Ну, — вздохнула она облегченно, — преступление мое перед Росбаксом я искупила неудобствами этой поездки в Ригу; теперь он передан в хорошие руки, и мне будет так приятно снова окунуться в море и ликовать в зыбких струях соленой воды, которая сливается с синим воздухом и манящим пространством. Я ехала в Латвию, подозревая, что люди здесь еще спят, но вот же — Росбакс не спал.

— А теперь ему придется спать, — заметил Калейс, при этом и г-н Бубука вздрогнул от его жестких слов.

— Вовсе нет. Темный хаос обычно кончается прояснением. Приближаясь к Риге, он снова стал шуметь, временами не узнавая меня, отдаваясь странным космическим ощущениям, прислушиваясь к тому, что говорит ему мать-земля, вечность, бег локомотива и людской гул. Он все время порывался в леса, но его успокоили. Только будучи в клинике в первый вечер, он в шепки разнес всю мебель в отдельной палате, потому что в нем пробудилась колоссальная мускульная сила. Но уже на следующее утро он успокоился, попросив бумагу и перо. Теперь он погружен в осмысление пережитого, и я уверена, что на него снизошло небывалое вдохновение, потому что перед ним раскрываются все новые и новые мировые проблемы.

Г-жа Бубука смотрела в окно и ее поразила вдруг открывшаяся под железнодорожным мостом Даугава, — словно лесом, унизанная мачтами западноевропейских судов, — широко раскинувшись, она величе-

ственно несла свои воды в море. Над мостом взлетело белое облако чашек, пролетая между ними и палящим солнцем чайки отбрасывали легкую тень на их лица и руки. По обеим берегам Даугавы дымили несчетные фабричные трубы, ведь эта поездка происходила еще до мировой войны, когда Рига была в составе Великой России и из города еще ничего не было эвакуировано.

— Какие пространства и богатства принадлежат нашему отечеству! — воскликнула дама. — От ледяной тундры до жаркого Крыма, от этого окна в Западную Европу до — до второго окна во Владивостоке на Тихий океан.

Естественно, что тогдашним русским стоило только подумать о могуществе своей родины, чтобы и самим ощутить себя выше всякой обыденности и пустяковых забот. Где еще могли возникнуть и прорасти люди с таким неудержимым стремлением к широкому диапазону разгульной жизни, как у четы Бубуков, если не в обширной России? Действительно, душа каждого гражданина символизирует и свое государство и его народ.

И вновь Калейс сделал небольшое замечание:

— Вот видите, Ангелика Францевна, в каком направлении шло ваше развитие: в необъятную, в необозримую ширь. В свою очередь нам, латышам, надо брать пример со своей родины: не в ширь, а в концентрированную глубину. Латыш постоянно будет контрастировать с русским.

— Как, неужели вы хотите отделиться от России? — спросила она с упреком, широким жестом выражая удивление.

— И вы, урожденная литовка, еще можете вопрошать! — удивился в свою очередь Калейс.

— Да что уж во мне от литовки, — рассеяно молвила она, — я люблю лишь декламировать литовского поэта Мицкевича.

— Значит — вы только русская, — как бы про себя грустно констатировал Калейс и замолчал.

— Ну скажите, г-н Калейс, как же вы могли пригласить нас в эту ужасную Вадаксте, когда на вашем взморье такие чудесные курорты! — воскликнула она обернувшись, и тут же мило приказала: — Дайте-ка мне опереться на ваш локоть, иначе я упаду в песок, как на том лу-гу, ха-ха!

А щупленький муж отстал и внимательно присматривался к публике. У него на шее всегда висел бинокль, и направив его, он вглядывался вдаль на корабли. Но море, как гора, бугрилось перед глазами и вдалеке различались только редкие верхушки мачт.

Было теплое солнечное послеобеденное время купанья. Приморский песок и синяя вода словно разукрасились пестрыми бабочками.

Разноцветные купальные костюмы дополняли яркие женские тюрбаны из кавказского и тюркского шелка и пестрые купальные халаты мужчин. Гомон веселых голосов и смеха заглушал шум волн.

— Скажите-ка, г-н Калейс, разве это взморье в сравнении с мельничной долиной в Вадакте не кажется вам нескончаемым праздником?

— Милостивая сударыня, как мне ни приятно выслушивать ваши поучения, — прервал ее Калейс, — но все же, не приобрести ли Вам купальный костюм и не броситься ль поскорее в море. Вот и двери купальни любезно открыты для вас!

— Я еще не нарадовалась на милых моему сердцу людей. И вот — видите ли вы того стройного мужчину, который только что вышел из купальни? Какая грудь, какие икры ног! А темнокудрая голова, впрямь, как у Антония с подбородком, опущенным к груди. Все его тело и дух полны энергии и свободы. Вот что значит быть аристократом, ведь это наверняка какой-нибудь помещик из средней полосы России, об этом свидетельствует и прекрасно скроенный шелковый костюм.

— Но, мадам, мы же хотели попасть и на симфонический концерт. До его начала остается немногим более часа. Поторопитесь искупаться.

— Вы желаете увидеть меня в купальнике? — она смерила его взглядом. — Я бы вам не советовала, потому что моя фигура более привлекательна в корсете. Я слишком располнела. Что поделаешь, это все — от моих предков, литовских бояр, которые были славными едоками и любителями возлияний, и вояками, и государственными мужами. Заметьте, что по-настоящему хороши только девушки от 16 до 23 лет, а мне уже за тридцать.

Когда подошел г-н Бубука, опустивший свой бинокль, Ангелика Францевна оставила их одних, скрывшись в купальне, и вскоре вышла в купальном костюме, сердитым жестом приказывая им отвернуться. Пока она не зашла в глубину, фигура ее действительно ужасно выделялась из толпы купающихся — атлетическая шея, слегка сутулые плечи с невероятно массивными грудями. Но ниже она была еще более тяжела, так что маленькие ступни и руки казались неестественно маленькими для поддержания на плаву огромного тела. Несмотря на это, Ангелика Францевна плавала легко и довольно искусно. Калейс попросил у Бубуки бинокль и всматривался в уплывшую далеко в море.

— Ее лицо светло и радостно, такого я никогда не видел на земле, — молвил он. А Бубука усмехнулся:

— Ангелика Францевна из породы нимф — сирена, как сказали бы греки, или, по-вашему, — русалка.

— И петь она умеет, как сирена: стоит лишь услышать и спасения уже не будет, — иронизировал Калейс и Бубука, поджав губы, добродушно фыркнул:

— Где же вы были, когда она пела на мельнице?

— Ах, бедняга Росбакс! Я не очень-то верю в его выздоровление, потому что помешанным он был и до того, — Калейс перевел разговор на Росбакса.

Когда Ангелика Францевна вернулась на берег, она кликнула мужа, так как самой одеться было несподручно. И тот, как показалось, радостно побежал за нею в темноту купальной кабины. Оттуда он вышел не в духе, оказалось, что рассеянная Ангелика Францевна потеряла дорогое кольцо с амулетом предков.

— Ну, разве это не скандал! Вы не можете уследить даже за своим кольцом! — угрюмо бурчал Бубука.

— Уж коли ты назвался моим слугой, так и служи, как положено, — свысока бросила она ледяным тоном с чувством превосходства истинной помещицы.

Затем они отправились на концерт, где весьма темпераментно и с пониманием своеобразия современной музыки дирижировал Шнефогт. Грандиозность модной музыки Штрауса, Скрябина и Регера очаровала чету Бубуков, а Калейс тосковал по ритмической ясности и тонкости времен Моцарта, Куперена и Рамо.

Что бы ни делали Бубуки и Калейс, о чем бы ни говорили, они всегда контрастировали, как два чуждых друг другу мира и чем дольше они жили вместе, тем больше замыкались друг от друга в своем мире. И все же через несколько дней они расстались с чувством, которое нельзя было назвать неудовлетворенностью друг другом или же неприязнью, а скорее — той любовью, с какой звезда через огромные пространства, никогда не встречаясь, любит другую звезду.

Когда гости уехали в Петербург, Калейс отдыхал в своей зимней комнате с тетрадью стихов в руках, в которую он только что записал новые стихи не только о море, но и заключив в них бескрайнюю, неизъяснимую, сливающуюся с космосом природу Ангелики Францевны; он вопрошал: что же есть человек, бог или титан, а может, одинокий путник, стремящийся к звездам, или народный вождь, политический болтун; или человек — это космос; трудно дать ответ, надо идти своим путем через горные вершины, цветистые луга, сквозь толпы людские, вопрошая душу и прислушиваясь к ней, идти, пока не надоест, верить себе и петь свои песни про светлый, пламенный путь, рассказать о нем последующим столетьям и нет в мире такой власти, которая бы одержала надо мной победу и запретила бы идти по дороге к себе, обладающему светлой силой души.

<...> Калейс оставался в Риге, в своей комнате, продолжая работать, хотя жара еще не прошла и хорошо было только в деревне.

По вечерам он ездил на взморье, где в Майори продолжались симфонические концерты. Как и Бубукам, взморье казалось Калейсу окном в нечто неизведанное. Была ли это мощь природы? Или же прикосновение к вечности? Или просто мысли летели к сотням кораблей, которые шли морем со всех центров земли, принося с собой дары великой культуры? Или беспечные и свободные дачники умели радоваться и внушать раскованность и волю всем, кто приезжал к морю. Или виною всему был прекрасный симфонический оркестр, руководитель которого понимал и тонко ощущал новые изыски современной музыки и разрешал им игриво соперничать со старыми ценностями? Скорее — это было смешением всего вместе, что и создавало странную атмосферу, одинаково захватывающую и Калейса, и г-жу Бубуку, которая здесь раскованно наслаждалась всем и только после этого уехала. “Да, лишь здесь я могу, свободно вдохнув, расправить члены, не то что в вашей затхлоЙ Валаксте у ангелоподобной хозяйки Малты!” Подобные высказывания г-жи Бубуки, словно удары бича, постоянно свистели в ухах Калейса и побуждали его к осторожности в деле женьшеньбы.<...>

***

В трех маленьких своих комнатках Бубуки собирали на званый ужин. Скорее даже не на ужин, так как Бубука зарабатывал немного, а на чай, конечно же с разными закусточками, свежими и сушеными фруктами. Но надо сказать, что у него появлялось все то же избранное общество, которое мы изобразили в первой части на Морской улице, у богатого помещика-философа. Чтобы पुще заинтриговать всех, Бубука обещался познакомить гостей со своими недавно написанными мифологическими сказками. Была приглашена и Татьяна Николаевна, только что вернувшаяся из Риги. По правде говоря, известиям о Калейсе и Рите задумано было придать особое значение и, может быть, с шуточной стороны, так как Бубука был большой охотник до розыгрышей.

Пока чернокудрый философ затеивал спор с поэтом-доцентом, кудри которого были не менее густы, но золотисты, один отстаивал живительную миссию славянских рас в европейском концерте народных культур, второй же универсально пластичную ясность романского гения; пока г-жа Бубука с некоей гостьюей, брошенной женой итальянского тенора Мальвитано, красивой, улыбающейся и капризной, внимали интересному спору, а затем отправились на кухню приготовить чай, — сам же Бубука в это время встречал подходивших гостей. Интереснейшим среди них был художник, толстоватый господин с тем-

ными, коротко остриженными волосами и двойным подбородком, в коричневом, почти новом визитном костюме с фиолетовым платочком в нагрудном кармане.²² Был он очень сдержан, но вежлив и оригинален. Бубука особо обрадовался его приходу. Еще пришел какой-то юноша, сын сенатора — Нейманис, ценимый за то, что знал наизусть и декламировал почти всех русских и французских поэтов. И наконец, дождалась Татьяна Николаевна, в этот вечер необыкновенно скромную и задумчивую.

Встретив ее, Бубука воскликнул:

— А-а! Татьяна Николаевна, рижанка, облатышившаяся и поэтому непостижимая!

И помогая раздеться, повел ее в кружок философа и поэта-доцента, так как хотел подкинуть тему для дискуссии, в обсуждении которой все смогли бы принять участие. Бубука ввел в их среду Татьяну Николаевну, уже предвидя, что о Калейсе пойдут противоречивые мнения, и поэтому произнес:

— Вот, друзья мои, кто разрешит наш спор. Не из Петербурга, не из Парижа, а попросту из Риги, от латышей явится в мир спасение.

— Г-н Бубука, вы хотите посмеяться над латышами? Нам пока еще легко это сделать. Но — хорошо смеется тот, кто смеется последний. Радостная убежденность Калейса не выходит у меня из головы. Этот человек знает свой путь, и не он один — весь народ, вероятно, также ясно осознает свою дорогу. Хотя тот народ и состоит из земледельцев, но там нет таких банальных мужиков, как в нашей литературе. Это народ иной культуры, который неудержимо последует всему, что задумает.

— И что же он задумает? — спросил поэт-доцент.

— Да, этого я не знаю. И возможно, сам народ еще этого не знает, что надо предпринять, но он растет, он зреет и верит себе, как росла, созревала и верила в себя Россия после войны с Наполеоном, подарившая миру Пушкинскую пляяду. Калейс обвенчался с мельничихой, чтобы пустить корни в деревне, в самом жизненном истоке народа. Кто из вас осмелился бы сделать то же самое? Вы, г-н Бубука?

— Нет, Татьяна Николаевна, более двух недель пребывания на мельнице было бы для меня смертельно, — ответил Бубука.

— Ну как же это так — в деревне? Может, у него там обширная библиотека для работы? — сыронизировал философ.

— Думаю, ему будет достаточно Библии, Гомера, Гете и Шекспира. И постигнуть эти духовные бездны помогут ему самые глубокие из книг — жизнь и работа.

— Татьяна Николаевна говорит истину, в это можно поверить. Наши поэты лишь мечтают о бегстве к народу по шоссе, но прибывав,

они видят только громадную трещину, отделяющую их от беспросветного варварства, в котором прозябает наш народ. У латышей это возможно, к примеру, как и во Франции, где, как известно, культура создается всем народом, — изрек поэт-доцент.

— Ну, если латыши — эта пара миллионов — так могут пробудить надежду, как французские или шведские земледельцы, то нечего было и упоминать про них здесь, — философ хотел закончить разговор про латышей.

Но Татьяна Николаевна сопротивлялась.

— У французской народной интеллигенции есть мудрость старости, от которой не стоит ждать новизны. А для латышей характерна верная дорога юношеских предчувствий. Они отказываются от всего соблазнительного, что может их испортить, — произнесла Лансере.

— Это правда! — неожиданно отозвался Бубука. — Это подтвердит вам сама Ангелика Францевна, — он рукой указал на свою жену, которая вместе с г-жой Мальвитано в этот момент пришла звать гостей к чаю. Тут общество разразилось громовым хохотом, потому что всем была известна роль Ангелики Францевны в постижении этого простодушного люда.

— Ангелика Францевна! — заинтересованно спросил художник. — Неужели этот латышский народ в самом деле нельзя испортить?

— Что за чепуха! У каждого народа найдутся особи, которые не владеют своими чувствами и не противостоят соблазнами. И там был один такой студент Росбакс...

— И он был в вас влюблен? — неожиданно и лукаво поинтересовался художник.

— Влюблен? — она удивилась. — Не знаю, был ли он влюблен, но я слишком хорошо знаю людей — и нет такого, который бы не поскользнулся, когда становится слишком скользко.

— То есть, как же это понимать — если становится слишком скользко? — наседал он.

Все уже сидели за столом. От чайных чашек шел пар, и Нейманис продекламировал какие-то китайские стихи к чаю. Бубуки торопливо утоляли первый голод, чтобы поскорее предложить гостям послушать их сказки. Таким образом, иссякли и заинтересованные расспросы художника, посыпавшиеся на Ангелику Францевну, и разговоры о латышах вообще.

— Но я не оставляю вас в покое, покуда не прояснятся затронутые вопросы, — предупредил нескромный красавец-художник, о котором поговаривали, что он, как никто другой в Петербурге, слывет за эстета-гурмана. Было известно, что он специально отправлялся в Лондон, дабы следовать по стопам Бердслея и Оскара Уайльда, и в кон-

це концов оценил выше художественные методы первого, чем воплощаемость последнего. Он любил вести весьма рискованные разговоры, рассыпая вокруг двусмысленности и остроты, испытывая на этом способ Бердслея вплоть до конечных консеквенций. Для всех запоздавших Бубука замыслил солидное введение к своим сказками. Все умолкли, и он важно начал: “Что есть табак,” — так называется сказка, которую сказывал монах Гоносий...”²³

Сразу же после первых строк скромная Татьяна Николаевна встала и вышла с чашкой чая в другую комнату. Вскоре туда проследовали и другие дамы, кроме Ангелики Францевны, которая вместе с философом и поэтом-доцентом выдержала чтение до конца. Разумеется, дослушал до конца и художник, который помышлял о дальнейших вопросах Ангелики Францевны. И как только сказка была досказана — из чего произошел табак, откуда пошла порча и всякое непотребство в мире, как художник подсел к Ангелике Францевне и продолжил свои расспросы о том, как же упомянутый Росбак очутился на скользкой дорожке, и насколько далеко по ней пробежал. Ассистировали ему философ, поэт-доцент и сам г-н Бубука. Но насколько дивным искусителем был художник, столь же искусной ответчицей оказалась Ангелика Францевна. В конце концов художник вскопчил с места, победоносно заявив, что в этот час — а было уже двенадцать — он гениален. После этого философ, потряхивая гривой, пропал в бу дуаре, вышла из-за стола и Ангелика Францевна, а поэт-доцент и Мальвитано подбадривали Бубуку.

В эту минуту возвратилась Татьяна Николаевна, и вопрос о латышском будущем возобновился. Умный поэт-доцент, подобно сивилле, упоминая сотни мифологических имен, значения и связи которых только ему и были понятны, наконец-таки приветствовал радостное известие Татьяны Николаевны, то есть, о вероятности того, что уже не славяне, не романские нации, не немцы, но латышский и другие доселе неизвестные и загадочные народы скажут свое слово, будут петь свои песни и, пока еще не стары, привнесут в мир вместо уже давно одряхлевшей — новую веру молодости и величие души.

Комментарии

1. Речь идет о символистском журнале "Весы", редактор которого В. Брюсов привлек к участию в нем и В. Эглитиса. В 1904-1906 гг. латышский писатель опубликовал в "Весях" несколько эссе под заглавиями "Современная латышская литература" (1904, №7), "Письмо из Риги" (1905, №7), "Латышская литература в 1905-6 гг.: Письмо из Риги" (1906, №9), где, в частности, давались следующие социо-культурные характеристики: "В Финляндии культурные центры давно в руках финнов. Эстам также повезло. Явилась возможность проявить себя новым, искусственно подавленным, творческим силам. Но латыши своей большой Риги никак не осияют. А патронат немцев напоследок своих дней задался единой целью замолчать, деморализовать, выставить опасной нарастающую молодую культуру. Общее оживление коснулось всех областей искусства. Лед тронулся в живописи, музыке, литературе <...> Революция смахнула всю нашу периодическую литературу. Более интеллигентные редакторы, издатели и журналисты, а также лучший контингент читателей — частью бежали в З.Европу, частью расстреляны, частью разорены. Теперешние журнальчики — жалкие недоноски темной толпы. Свежи они, бойки и полны грамматических ошибок. Их очень много и все они важно повторяют давно сказанное".

2. В рассказе Калейса отражен один из распространенных сюжетов балтийской мифологии — "небесная свадьба" Солнца (Saule) с Месяцем (Mēness) и измена последнего с одной из дочерей Солнца (Saules Meita), невестой Аусеклиса (Auseklis — утренняя заря). Перконс в балтийском пантеоне — верховный бог, бог грома, молнии, дождя.

3. Имеется в виду меценат, издатель журнала "Золотое руно" Н.П.Рябушинский.

4. В имяупотреблении героини В.Эглитис намеренно заменяет имя Серафима (пламенный ангел) на семантически близкое Ангелика, что кощунственно противоречит демонической природе героини; отчество Францевна свидетельствует не только о нерусском происхождении высокородной дворянки (в романе она — "литвинка"), но и об особом ее пристрастии к французской культуре, — не случайно постоянной характеристикой ее становится великанша/гигантша — как прямая цитата из сонета Ш.Бодлера "La geante" ("Гигантша"), сюжет которого разыгрывается ею и Росбаксом в VI главе романа.

5. Речь идет об усть-сысольской ссылке А.Ремизова.

6. Имеется в виду Вяч.Иванов.

7. Хутор в Цесвайнской волости, где гостили Ремизовы, назывался "Ариняс".

8. Прототипом, вероятно, послужила известная художница З.Лансере-Серебрякова.

9. Игра слов: kalējs — кузнец.

10. Обрядовый танец превращения волка, как и связанный с ним мотив оборотничества, восходящий к балто-славянским мифологическим представлениям.

11. Обыгрывается название первого сборника прозы В.Эглитиса “В синей тюрьме” (1907).

12. В романе В.Эглитис приводит свой перевод пушкинского романа в стихах.

13. Речь идет о Н.А.Бердяеве.

14. Этот безымянный персонаж романа имеет несколько прототипов — А.Белого, А.Блока, С.Соловьева — русских поэтов-теургов.

15. Речь идет о поездке Ремизовых в Пиебалгу.

16. Имеется в виду Видземская возвышенность.

17. Дубурс Екабс (1866–1916) латышский артист.

18. Прототипом этого персонажа является латышский писатель Антонс Аустриньш (1884–1934), преследуемый властями участник революции 1905 г..

19. А.Аустриньш в 1900-е годы был большим почитателем русских символистов, переводил их стихи и прозу (в том числе — роман Брюсова “Огненный Ангел”).

20. Возможно, подразумевается Екабс Ремпетерс, первый переводчик на латышский язык “Гамлета” В.Шекспира (1892).

21. В.Эглитис пародирует мотивы ранних поэтических сборников К.Якобсона “У лесного озера” (1906), “Песни и баллады” (1907), “Снегурочка” (1906) и др.

22. Вероятно, подразумевается один из учредителей общества “Мир искусства” К.А.Сомов (1869–1939), с которым В.Эглитис встречался на “башне” Вяч.Иванова.

23. Обильно насыщенная эротическими мотивами святочная повесть А.Ремизова была опубликована незначительным тиражом в 1908 г. и вызвала скандал в обществе.

Благодарим проф.Янину Курсите за помощь в работе.